ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Цена 30 коп.

Литературная газета

Суббота, 20 ноября 1937 г.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР.

№ 63 (699)

ДОЛГ ПИСАТЕЛЯ

По всей нашей великой стране звучат сейчас имена самых верных и достойных ее сынов, выдвинутых советским народом кандидатами в депутаты Верховного Совета Союза ССР. Трудящиеся, об'единенные в различные общественные организации, назвали эти имена, призывая массы избирателей доверить выставленным кандидатам почетнейшее звание члена Верховного Совета СССР. Окружные избирательные комиссии, также состоящие из представителей трудящихся, уже занесли эти славные имена в списки кандидатов, оповестив об этом избирателей через печать. Наступил решающий этап предвыборной работы — агитация за кандидатов.

Великая Сталинская Конституция, советский избирательный закон предоставляют трудящимся для агитации за желанных кандидатов все возможности, которых никогда не знали и не знают народы капиталистических стран. Помещения крупнейших театров, клубов, бумага, издательства, типографии, радиостанции — все это имеют возможность использовать советские избиратели для того, чтобы агитировать за самых достойных, самых лучших, самых стойких, преданных, верных народу и родине людей.

В этот период избирательной кампании совершенно исключительное значение приобретает работа нашей печати, требующая мобилизации и напряжения всех литературно-творческих сил страны. Именно на этом этапе избирательной кампании должны полностью развернуть свою работу советские писатели. Перо советского писателя может и должно стать верным и надежным орудием большевистской агитации за лучших кандидатов.

Сейчас уже нельзя ограничиваться общераз'яснительной литературной работой на тему о выборах, историческими реминисценциями, зарисовками предвыборных собраний, короткими характеристиками кандидатов и беглыми биографическими справками о них. Сейчас от писателя требуется большое и точное знание каждого кандидата, о котором надо рассказать читателю-избирателю. Сейчас нужны большие литературные портреты кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР.

И здесь открывается огромное и великолепное поле деятельности именно для писателя. Литературный, художественно полноценный, политически четкий, запоминающийся, яркий, сохраняющий все своеобразие каждого человека, каждого кандидата портрет должен быть написан рукой мастера — пером писателя. На пушечный выстрел нельзя подпускать к этой работе халтурщиков, политически сомнительных людей, литературных «скоросшивателей», готовых по любому заданию в любой срок накропать очерк о любом человеке, наскоро переписав послужной список кандидата и разукрасив его незатейливыми виньетками.

Работа над литературными портретами лучших людей нашей страны — работа трудная, ответственная, требующая от писателя максимальной добросовестности, мастерства и гражданской чуткости. Просто, убедительно и интересно надо рассказать избирателям о том или ином кандидате. Надо показать человека, его рост, его жизнь, его труд. Рассказать, как растила и формировала человека коммунистическая партия — будь то член партии или непартийный большевик. Писатель должен найти, подсмотреть и выделить в литературном портрете человека те черты, которые составляют облик гражданина нового социалистического общества. Но не восторженные многоточия, не обилие восклицательных знаков, не выспренное славословие и огульные восторги помогут писателю дать живой и верный образ человека, выдвинутого кандидатом в депутаты Верховного Совета. Здесь нужны простота, ясность и глубина, умение видеть сквозь образ своего героя величественный профиль эпохи, умение найти и подчеркнуть живую связь между человеком и выпестовавшей его социалистической советской родиной. Надо показать живого советского человека.

Большая и благодарная задача для писателя! Какие превосходные, волнующие биографии! Повести каких великолепных жизней, отражающих величие эпохи Ленина — Сталина, откроются перед писателями в этой работе. Руководители партии и правительства, знатные стахановцы, знаменитые артисты, герои Советского Союза, мастера комбайна, ученые... Какой богатейший, изумительный человеческий материал!

Для выполнения этого нового большого политического задания советская литература мобилизует силы на всех своих участках. Писателей ждут в газетах, в журналах, в выездных редакциях, у микрофона. Поэтов призывают писать не только поэмы о кандидатах, но короткострочные, афористические «подписи под портреты» кандидатов. В списках кандидатов в депутаты Верховного Совета стоят имена наших лучших советских писателей. На это должны откликнуться наши критики. Они обязаны в ближайшее же время дать широкие литературно-критические портреты наших знатных писателей. Мы начинаем эту работу с этого номера, давая сегодня материал о крупнейшем советском писателе, кандидате в депутаты Верховного Совета СССР от Старорусского избирательного округа — товарище Алексее Николаевиче Толстом.

С мест поступают сведения, что ряд областных писательских организаций уже взялся за работу. Необходимо в самый короткий срок развернуть эту работу широко и высококачественно.

Никогда еще не стояла непосредственно перед нашими писателями такая огромная, такая насущная и столь благодарная задача. Работа предстоит большая и почетная. Лучшие советские писатели возьмутся за нее вдохновенно и бережно, вдумчиво и любовно.

ОБРАЩЕНИЕ М. А. ШОЛОХОВА К ИЗБИРАТЕЛЯМ

НОВОЧЕРКАССК, 19 ноября. (По телеграфу). Писатель Михаил Шолохов, зарегистрированный кандидатом в депутаты Совета Союза по Новочеркасскому избирательному округу, обратился со следующим письмом к избирателям:

«Дорогие товарищи!

Выдвижение вами моей кандидатуры в депутаты Верховного Совета, ваше доверие, оказанное мне, я воспринимаю, как высшую награду за мою партийно-общественную и литературную работу.

Излишне говорить о том, что это обязывает меня отдать все творческие возможности, всю жизнь делу служения партии и народу.

С приветом М. ШОЛОХОВ.

17 ноября 1937 г. Станица Вешенская».

Верному сыну любимой родины

Письмо избирателей Старой Руссы Алексею Николаевичу Толстому

Дорогой Алексей Николаевич!

Месяц назад 1800 рабочих, инженеров, служащих фанерного комбината в Старой Руссе пришли на предвыборное собрание, чтобы назвать имя того человека, которого они хотели бы видеть своим депутатом в Верховном Совете СССР.

Первое имя, названное на нашем собрании, было Ваше имя, Алексей Николаевич. Оно было названо старейшим рабочим-стахановцем, клееваром Семеном Куприяновичем Куприяновым, и все наши товарищи в один голос поддержали его. А вслед за нашим заводом кандидатура прекрасного мастера советской литературы Алексея Толстого была выдвинута собраниями рабочих и колхозников еще в шести районах Ленинградской области — районах, входящих в Старорусский избирательный округ.

Это письмо пишут Вам старые производственники. Многие из нас работали еще на фабрике немца Лютера. Работали без отдыха дни и ночи, получали от хозяина гроши, жили в темноте, невежестве, бескультурьи. Изнурительная кабала, покосившиеся хибарки, полунищие люди, оборванные, безграмотные ребятишки, — вот как вспоминаются нам те годы, вот какой вспоминаем мы Старую Руссу.

Прошло всего двадцать лет. Но это были великие годы социалистической революции.

Победы, которые одержала наша страна под руководством партии Ленина—Сталина, сказочно велики. И, когда мы, старики, рассказываем теперь молодежи о старой жизни, они порой не верят нам. Жизнь в нашей стране из года в год, нет, — изо дня в день становится прекрасней и радостней.

Труд стал почетом. И мы, старики, с гордостью носим звание стахановцев фанерного комбината, ставшего социалистическим производством, давно уже и во много раз переросшего жалкие масштабы фабрики Лютера.

Изменилась жизнь рабочих, изменился наш быт. Мы познали социалистическую культуру. Великие творения литературы и искусства стали нам родными и близкими.

На нашем заводе прекрасные библиотеки. В них много тысяч книг. И среди писателей, любимых и понятных нам, мы должны назвать Вас, Алексей Николаевич.

Вы в своих замечательных произведениях рассказываете о прошлом нашей родины. Вы создаете великолепные книги о героической борьбе нашего народа за завоевания Октябрьской социалистической революции. Вы выступаете активным борцом за мир, за культуру — против варварского фашизма. Ваша литературная и общественная деятельность — это деятельность верного сына любимой родины, подлинного представителя советской интеллигенции, борющейся за великое дело Ленина — Сталина.

Ваше имя, товарищ Алексей Николаевич Толстой, будет напечатано в избирательных бюллетенях, которые вручат нам 12 декабря. И мы с радостью и гордостью отдадим свои голоса советскому писателю Алексею Николаевичу Толстому.

От имени всех рабочих нашего комбината просим Вас, Алексей Николаевич, приехать к нам в Старую Руссу, быть дорогим гостем нашего комбината — самого большого предприятия Старой Руссы.

Стахановцы фанерного комбината Старой Руссы: С. К. КУПРИЯНОВ (рабочий стаж 28 л.), М. П. ВЫСТРОЛЕТОВ (стаж 29 лет), К. П. МАЙОРОВ (стаж 29 лет), Е. И. ИВАНОВА (стаж 21 год), Е. С. ЕВСТАФЬЕВА (стаж 20 лет), А. Ф. НИКИФОРОВА (стаж 15 лет), М. В. ЕРШЕВСКАЯ (стаж 25 лет), А. И. МОСКВИНА (стаж 8 лет), Ф. М. МАКСИМОВ (стаж 23 года), А. Г. ГЕРАСИМОВА (стаж 26 лет), И. Е. ЕГОРОВ (стаж 27 лет), В. К. КУЗЬМИН (стаж 28 лет), Е. М. МАКСИМОВ (стаж 28 лет), П. И. БОГДАНОВ (стаж 16 лет), Ф. Д. ВАРАКСИН (зам. директора комбината), Я. П. СУВВИ (секретарь парткома комбината).

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

К моим избирателям

Мне выпала большая честь: рабочие, колхозники, красноармейцы, учителя, железнодорожники, служащие Старорусского округа наметили меня кандидатом в депутаты Совета Союза.

Эту честь, — я так понимаю, — я заслужил тем, что все свои силы отдавал и отдаю культурному строительству нашей великой родины.

Родина — слово древнее. Но мы понимаем его по-новому и по-новому любим нашу советскую родину.

Мы получили в наследство от тысячелетней истории шестую часть земного шара, — самую большую в мире страну. В ней еще недавно, 20 лет тому назад, лежали под спудом неисчерпаемые богатства и творческие силы народов, населяющих ее.

20 лет тому назад немцы, англичане, французы, бельгийцы хозяйничали в нашей стране, как у себя в колонии. Русские купцы, промышленники и помещики продавали Россию иностранному капиталу. России готовилась жалкая участь раздела на колонии. Одних лишь процентов по займу царская Россия платила иностранной буржуазии ежегодно 700 миллионов золотых рублей, да за иностранные товары приплачивали 200 миллионов золотых рублей. Русскому народу — рабочим и крестьянам — готовилось вечное рабство, нищета, вымирание. Перед империалистической войной в России насчитывалось 65 процентов бедняцких хозяйств, 20 проц. середняцких и 15 проц. кулацких.

Эти 15 процентов кулаков-мироедов царская власть денежно поддерживала и оберегала. Кулак был опорой царской власти в деревне, помещику он был милым другом, купцу кулак служил на пользу тем, что разорял середнячков, и разоренный середнячок шел на фабрику, на предприятие, на промысел — работать за гроши до седьмого пота.

Царская Россия шла к жестоким формам капитализма, к тому, что мы называем теперь фашизмом, с чем мы боремся, будем бороться, покуда не победим и не раздавим фашизм во всем мире.

И русские помещики, и капиталисты, и, тем более, иностранцы, владевшие заводами, рудниками, шахтами и лесными угодьями по всей России, не знали и не понимали русского народа.

Им казалось, что если русский народ беден и неграмотен, то им легко можно распоряжаться, как рабочим скотом. Они думали, что у русского народа нет вековой мечты о счастливой, зажиточной и справедливой жизни — без царей, помещиков, капиталистов и иностранцев. Они надеялись, что у русского народа нехватит здравого ума и революционной ярости.

В Октябре русский народ показал им всем, что это все у него есть и есть в достаточном количестве.

Народ нашел себе вождя: коммунистическую партию. Во главе с великими мыслителями-стратегами Лениным и Сталиным, партия повела народ к завоеванию никогда, никем еще невиданного общественного и хозяйственного строя — социализма.

Что такое социализм — вы знаете. Это путь, который за 20 лет превратил полуколониальную Россию с 65 процентами деревенской бедноты, 75 процентами неграмотности в сплошь грамотную, зажиточную, самую могущественную державу в мире. Продукция земледелия и животноводства в сравнении с 1913 годом увеличилась вдвое. Продукция крупной промышленности в сравнении с 1913 годом увеличилась в 7,3 раза. Промышленность СССР вышла на первое место в Европе и на второе в мире. Таковы результаты социалистического хозяйства Советского Союза.

Результаты капиталистического хозяйства за этот же период дают весьма плачевный график, — он представляет собой ломаную линию, в которой максимальный под'ем приходится на 1929 год.

Линия хозяйственного роста СССР идет безостановочно круто вверх. Это значит, что у нас труд миллионов людей откладывается в виде увеличения всеобщего благосостояния, совершенно так же, как пища в молодом теле превращается в его рост и здоровье.

Линия хозяйственного роста капиталистических стран бьется, как подстреленная птица, не в силах подняться. Это значит, что там труд сотен миллионов людей поглощается растущей нищетой и разорением. Больную корову как ни корми, все будет худа. Больную корову нужно лечить у ветеринара. Больное фашизмом человечество нужно лечить только революцией. Руководимый стратегией Ленина и Сталина, русский народ в 18—19 годах, в неслыханно тяжелых условиях голода и эпидемий, при разрушенном транспорте и отсутствии топлива одержал решительную победу на полях брани, выкинув за пределы своей страны миллионные армии белых генералов и интервентов: немцев, поляков, японцев. Вместе с ними были вышвырнуты все помещики, капиталисты и иностранцы.

Не в первый раз русскому народу приходилось умываться кровью за свою родину. На Куликовом поле он побил татарских ханов, освобождаясь от векового ига. На берегах Невы и на льду Чудского озера разгромил немецких рыцарей и на несколько веков преградил им дорогу на Ладогу, Новгород, Псков и Старую Руссу. В смутное время, когда русские города лежали пепелищами и дороги белели от человеческих костей, когда русская земля была продана московскими боярами полякам и шведам — народ не захотел помириться с неволей и, ополчась, изгнал иноземцев. При Петре Великом, когда непобедимая во всей Европе армия шведского короля вторглась в русские пределы, народ разгромил ее наголову в кровавых побоищах при Лесной и Полтаве. Столетие спустя Наполеон двинул на покорение России великую армию, завоевавшую всю Европу (кроме Испании). Под Бородиным наполеоновская армия наткнулась на русские штыки, ни ядрами французских пушек, ни бешеными ударами 30-тысячной конницы Марата, закованной в стальные кирасы, нельзя было сломить русской армии, вставшей на защиту родины.

В великих битвах народ сберег для себя родину. И теперь уже ничья вражеская нога не переступит ее границ — на страже стоит сам народ: его Красная армия, вооруженная политическим сознанием, бесстрашием и мужеством, и такой технической мощью, перед которой заранее бледнеют наши враги.

Второй победой всех народов СССР было создание одними своими силами, без какого-либо предварительного опыта, — первый раз в истории человечества, — социалистического хозяйства.

В две пятилетки были выстроены и заработали гиганты индустрии. Одни только Магнитогорский, Кузнецкий и Макеевский заводы выплавляют чугуна столько, сколько выплавляла в год вся металлургия в царской России. Один только Магнитогорский завод выплавляет чугуна в два с половиной раза больше, чем вся Польша.

Нет той отрасли промышленности, которой бы у нас теперь не было. Мы независимы, мы изыскали в земных недрах все металлы и минералы, нужные для промышленности, и открыли новые залежи угля и железа, которых хватит на тысячелетия.

Для ведения современной войны нужно, как говорят, 32 сорта сырья, — железо, уголь, соль, хлопок и т. д. Германия может добыть у себя только два сорта сырья из 32. Италия, кажется, семь сортов, Япония тоже около этого. У нас имеются все 32. Мы независимы.

Электроэнергия по сравнению с 1913 годом выросла в 17 раз. Производство обуви — в 20 раз. Я спросил как-то директора Резинотреста, — почему в Мосторге не могу купить пару галош? «Потому, он мне ответил, что сейчас все в СССР хотят ходить в башмаках и галошах, лаптей больше не носят. Выпустят 100 миллионов пар галош — их сразу и нет, купили колхозники, больше нет».

Победа колхозного строя увеличила количество зерна почти на 3 миллиарда пудов в сравнении с довоенным временем, когда царская Россия снабжала хлебом почти всю Европу. Победа колхозного строя навсегда уничтожила знакомую «российскую» картину: за сохой идет по своей тощей десятине мужичок в лаптях, опустив горемычную голову, понукая тощую клячу. Эту картину вы увидите сейчас в Польше из окна вагона.

У нас тот самый «мужичок» едет сейчас, — смотря по области или краю, — на своем велосипеде, или в автомобиле, или на хорошем коне — в сельсовет, — потому что он наверное председатель. Один сын у него пашет на тракторе, другой сын лейтенант, дочь, Анютка, — нянька по-старому, — доцент Тимирязевской академии...

Не нужно забывать, товарищи, что прошло только две пятилетки колхозного строительства, что это только начало, ранняя заря того светлого дня, который занимается над необ'ятными просторами нашей родины.

Двадцать лет борьбы и строительства социалистического хозяйства были завершены созданием Сталинской Конституции. Она подвела итог всем завоеваниям и формулировала их в законодательстве.

Тайным голосованием каждый гражданин и гражданка СССР баллотируют намеченного ими кандидата в высший орган советской власти — Верховный Совет СССР. От каждого человека, в каком бы глухом углу он ни жил, будет протянута живая нить к выбранному им кандидату, к выбранному им правительству.

Третьей победой народов СССР теперь, когда осуществляются основные положения Сталинской Конституции, — выборы в Верховный Совет СССР, — должна быть победа на культурном фронте.

С той же решимостью и упорством мы должны овладеть сокровищами мировой культуры, прямыми наследниками которой мы себя считаем. Точные науки, философия, литература, искусство должны продвинуться в самые широкие массы, стать достоянием каждого.

Знамя Октябрьской революции было развернуто Лениным на броневике у Финляндского вокзала во имя того, чтобы поднять из нищеты, темноты и угнетения миллионы и миллионы эксплоатируемых, отупленных жизнью людей, — во имя нашего великого народа.

За алым знаменем пролетарской революции народ прошел путь в двадцать оборотов земли вокруг солнца. И теперь солнце — во всей силе над его головой. Народ силен, свободен и зажиточен.

Но этого мало, этого недостаточно. Перед Советским Союзом — задача мирового значения: задача четвертой победы, великой и окончательной победы над международным фашизмом, — во имя освобождения всех эксплоатируемых, во имя уничтожения навсегда войны.

Чтобы победить, мы должны стать самой культурной, самой просвещенной нацией во всем мире. С любовью, с уважением, с изумлением пусть смотрят на нас наши друзья и с ужасом наши враги.

За культуру! За Сталинскую Конституцию! За непобедимую Красную Армию! За процветание нашей, — ко всем нам равно благосклонной, всеми нами равно любимой, — великой родины!

19 ноября 1937 г. (По телефону из гор. Пушкина).

Алексей Николаевич Толстой, баллотируется в депутаты Совета Союза по Старорусскому избирательному округу (Ленинградская область).

ГРОЗНЕНСКИЙ ГОРОДСКОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ОКРУГ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

ОКРУЖНОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ ПО ВЫБОРАМ В СОВЕТ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ О РЕГИСТРАЦИИ КАНДИДАТА В ДЕПУТАТЫ СОВЕТА НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ ПИСАТЕЛЯ

Владимира Петровича Ставского

Рассмотрев поступившие документы общего собрания коллектива завода «Красный молот» и др. организаций, выдвинувших кандидатом в депутаты Совета Национальностей Владимира Петровича Ставского, рождения 1900 года, члена ВКП(б), секретаря Союза советских писателей СССР, проживающего в г. Москве, зарегистрировать его для баллотировки в депутаты Совета Национальностей по Грозненскому городскому избирательному округу.

Председатель окружной избирательной комиссии ПЛАКСЕНКО.
Секретарь ТРАПЕЗНИКОВ.

ТБИЛИССКИЙ СЕЛЬСКИЙ ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ОКРУГ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

ОКРУЖНОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ ПО ВЫБОРАМ В СОВЕТ СОЮЗА О РЕГИСТРАЦИИ КАНДИДАТА В ДЕПУТАТЫ СОВЕТА СОЮЗА НАРОДНОГО АРТИСТА ГРУЗИИ

Шалвы Николаевича Дадиани

Рассмотрев поступившие документы о выдвижении кандидатуры в депутаты Совета Союза, установив полное соответствие представленных документов ст.ст. 56, 57, 58, 59 и 61 «Положения о выборах в Верховный Совет СССР», на основании ст. 60 «Положения», зарегистрировать для баллотировки в депутаты Совета Союза Верховного Совета СССР по Тбилисскому сельскому избирательному округу выдвинутую общими собраниями избирателей колхозов им. Берия и им. Ворошилова Тбилисского района, им. Махарадзе, им. Тельмана, Сагареджойского района, на которых присутствовало 1255 человек, кандидатуру Шалвы Николаевича Дадиани, рождения 1874 г., народного артиста ССР Грузии, писателя-драматурга, проживающего в Тбилиси, и включить его кандидатуру в избирательный бюллетень.

Председатель окружной избирательной комиссии ЛЕКИШВИЛИ, зам. председателя РОСТИАШВИЛИ, секретарь ТАБАТАДЗЕ. Члены комиссии: ОДИШВИЛИ, ГАРГАУЛИ, ИВАНИШВИЛИ, ГОЛОШВИЛИ, МИНАСАШВИЛИ.

«ОТДАМ ВСЕ СВОИ СИЛЫ ДЕЛУ ЛЕНИНА—СТАЛИНА»

Встреча А. Корнейчука со своими избирателями

(От нашего корреспондента)

Украинский драматург, воспитанник ленинского комсомола, — кандидат в депутаты Совета Союза от рабочих, колхозников и трудовой интеллигенции Звенигородского избирательного округа, — А. Е. Корнейчук встретился со своими избирателями.

На окружное предвыборное собрание с'ехалось свыше 400 делегатов.

Собранию предшествовал многолюдный митинг.

На митинге выступавшие пламенно приветствовали первого кандидата народов СССР, вождя трудящихся всего мира, любимого товарища Сталина.

Предвыборное собрание прошло с большим под'емом.

Делегаты говорили об огромном культурном и хозяйственном росте Советской страны, о радостной жизни, достигнутой под мудрым руководством великого Сталина.

Особенно волнующей была речь 60-летнего колхозника т. Марченко из Сигнаевского колхоза Шполянского района.

— Многие из нас еще очень хорошо помнят, как жили селяне и рабочие при царизме. Эту проклятую жизнь ярко нарисовал поэт, вышедший из крепостных — Тарас Григорьевич Шевченко.

В Советской стране писатели пользуются всеобщим уважением и доверием. Вот и мы, избиратели Звенигородского округа, выдвинули кандидатом в депутаты Совета Союза талантливого драматурга А. Е. Корнейчука. Мы все как один должны поддержать эту кандидатуру и отдать ему свои голоса.

Исключительно тепло встретило собрание выступление своего кандидата.

— Я никогда в жизни не был так взволнован, как сегодня, — начал свою речь А. Корнейчук. — Мне, советскому писателю, оказана большая честь: моя кандидатура выдвинута в Совет Союза. Меня взволновали слова колхозника Марченко, вспомнившего о Тарасе Шевченко, поэте, который очень любил свой народ. Мы, украинские советские писатели, учимся у гениального поэта Шевченко любить и понимать народ.

Сейчас передо мной стоят две большие задачи. Я обдумываю произведение о счастливой, цветущей колхозной жизни. Кроме того я изучаю исторические материалы, чтобы написать пьесу о борьбе украинского народа против польской шляхты в XVII столетии. Эта пьеса сейчас имеет условное название «Богдан Хмельницкий».

Свое выступление т. Корнейчук закончил словами:

— Здесь на собрании в речах выступавших товарищей мне было высказано огромное доверие. Я это доверие оправдаю, — отдам все свои силы, все свои знания народам нашей родины, великому делу Ленина — Сталина.

Да здравствует наш вождь, учитель, отец, товарищ Сталин!

Стоя, бурно аплодируя, собрание приняло текст приветственной телеграммы великому вождю товарищу Сталину.

Собрание утвердило обращение ко всем избирателям округа с призывом голосовать за кандидата в депутаты Совета Союза — писателя Александра Евдокимовича Корнейчука.

И. МАР.

Киев. (По телеграфу).

Алексей Николаевич Толстой — кандидат Старой Руссы

Большой художник

Павел Медведев

Алексей Николаевич Толстой — крупнейший советский писатель, один из лучших мастеров советской социалистической литературы. Однако, для того, чтобы подняться на эти вершины, ему пришлось пройти большой и сложный путь.

В интересной статье «О творчестве» сам Толстой говорит: «Очень немногие с первых же шагов овладевают словом, — эти — «с природной постановкой голоса». У меня процесс овладения словом был длительный. Вначале слово было для меня вроде дикого животного, — брыкалось и не слушалось и само несло меня в дебри».

Брыкалось, конечно, не только слово, длительным процессом было не только овладение мастерством.

«Брыкалась» жизнь, текучая, сложная, противоречивая, об'ективная действительность.

Чтобы познать ее правду, чтобы осмыслить ее закономерности, чтобы запечатлеть правду жизни в правде искусства — для этого понадобились многие годы труда и исканий.

Большой путь пришлось пройти Толстому, прежде чем он нашел себя в современности, как гражданин и художник.

Начало этого пути восходит к 1907 году, когда вышла первая книжка стихов Толстого «Лирика».

Сейчас даже трудно себе представить, чтобы автором ее мог быть Алексей Толстой, — настолько эта книжка противоречит его характеру, его натуре, его писательской манере.

Искусственная, проникнутая мистикой, эта «Лирика» интересна только как показатель тогдашнего влияния на Толстого буржуазного модернизма.

С этим искусством Толстому-художнику пришлось бороться в первую очередь. И по следующим книгам Толстого — «За синими реками» и «Сорочьи сказки» мы можем видеть, как успешно он ведет эту борьбу, опираясь на золотые россыпи фольклора, на богатства народного песнетворчества.

От «Лирики» до превосходной сказки «Синица», хотя их разделяет всего лишь период в два года, Толстым пройден уже большой путь в сторону реализма, простоты и народности.

Думается, что именно через фольклор Толстой пришел к реалистической прозе. Во всяком случае, если первый рассказ Толстого — «Старая башня» («Нива», 1908 г., № 21) — еще овеян удушливым воздухом «Лирики», то, только освободившись от настроений этой книги через фольклор, Толстой выходит на просторы художественного реализма и реалистической прозы.

Еще в ранние годы своей литературной деятельности Толстой создает в этой области вещи яркие и примечательные. Такова, например, серия рассказов, позднее собранных в томик «Под старыми липами».

«Приключения Растегина» и «Актриса», «Мишука Налымов» и «Петушок» — все это детали одной картины, картины оскудения и вырождения дворянской России.

Позднее к этим рассказам прибавятся, развивая ту же тему, первые романы и пьесы Толстого — «Хромой барин», «Две жизни» (позднейшее название — «Чудаки») и «Касатка».

Дикий, лохматый Мишука Налымов «с собачьими мешками под глазами», сумасшедшая Степанида Ивановна, мелкий негодяй Смольков, похотливый «петушок» Николушка, Михаил Камышин «с головой в виде огурца, кверху уже», опустошенный князь Краснопольский, Ртищевы с их бычьей силой и животными инстинктами, пропивший и жену и себя Теплов, ленивый, опустившийся Аггей Туренев — таким рисует Толстой последнее дворянское поколение.

И, если Тургенев поэтизировал дворянские гнезда, а Бунин меланхолически оплакивал их гибель, то А. Толстой срывает маску и с этого вымирающего племени и с их разложившегося быта. Романтическая идиллия «дворянских гнезд» в этих произведениях Толстого разоблачена до конца.

Изломанным, разложившимся, опустошенным героям из среды поздней буржуазно-дворянской интеллигенции Толстой противопоставляет людей простых и здоровых, с их ясными и сильными чувствами, любовью к живой жизни и отвращением к нарочитым сложностям и условностям буржуазной культуры.

И Толстой с большой силой рисует этих немудрствующих лукаво людей — Заваишина («Овражки»), доктора Заботкина («Хромой барин»), Ивана Телегина («Хождение по мукам»), Гусева («Аэлита»), простой мир простых чувств, «милую тяжесть любви», изумление, как у полюбившего Заботкина, перед жизнью, природой, высоким небом, молодой весной.

Тут раскрываются лучшие, самые сильные стороны дарования Толстого — его реалистичность, конкретность, большое здоровье, оптимизм, неиссякаемая жизнерадостность, мягкий, не лишенный лукавства, юмор.

А его неустанная слава здоровью, простоте, живой жизни являлась формой протеста, формой борьбы с переутонченной, салонной, загнивающей буржуазной культурой.

Но, конечно, буржуазная культура, империалистическая действительность влияла, давила на Толстого. Она сковывала его дарование, мешала ему развернуться.

Другой действительности тогда Толстой не знал или, во всяком случае, плохо видел ее. На эту живую, новую действительность открыла Толстому глаза война и в особенности Великая Октябрьская социалистическая революция. Без всякого преувеличения можно сказать, что Толстого, как подлинно большого, первоклассного художника, сформировала Октябрьская социалистическая революция.

Сам Толстой говорит в своей статье «О творчестве»: «Наступила война и — сразу необ'ятные задачи. Где тот язык, который справится с грандиозным и столь трагически простым, как смерть миллионов? Язык современности был кабинетно-переводный, интеллигентский, выродившийся язык великого прошлого. Не с ним же лезть в кровавую кашу».

Еще более необ'ятные и новые задачи поставила перед каждым художником, в том числе и перед А. Толстым, Октябрьская социалистическая революция. Их надо было разрешать. В этом заключалось основное дело писателя, весь смысл его работы. «Я медленно вживался в современность», — слышим мы от Толстого.

Действительно, первые годы революционной эпохи представляют в творчестве А. Толстого период сложных и мучительных исканий, не свободных от различного рода ошибок.

Творчески это была очень трудная полоса для Толстого, усложненная еще систематической, безобразной травлей писателя со стороны презренных врагов народа, подлых авербаховцев.

О писателе, мужественно взявшем под огонь самокритики свое прошлое, о представителе лучшей части дореволюционной интеллигенции, неуклонно движущемся в сторону пролетариата, писали в издевательском тоне.

Творчески этот период отмечен самыми различными показателями. Есть тут и явные неудачи — «Заговор императрицы», «Черное золото» и др. Есть вещи острые, но спорные — «Голубые города» и «Гадюка». Есть, наконец, несомненные достижения — превосходное «Детство Никиты», один из лучших рассказов из эпохи гражданской войны — «Морозная ночь», острый памфлет на белогвардейскую эмигрантщину — «Приключения Невзорова или «Ибикус», удачный опыт советского детектива «Гиперболоид инженера Гарина» и много других.

Писатель поднимает различные темы, пробует себя в различных жанрах. Писатель вдумчиво и напряженно всматривается в революционную современность, осмысливая ее историческую закономерность, «воспринимая ее всеми чувствами».

С помощью партии и великого пролетарского писателя А. М. Горького, через большую общественную работу Толстой выходит на столбовую дорогу советской социалистической литературы.

От «Сестер» через «Восемнадцатый год» к «Защите Царицына» проходит, все ширясь и углубляясь, написанная А. Толстым величественная эпопея о нашем героическом народе и о нашей подлинно-народной революции.

Замечательный роман Толстого «Петр I» шире и богаче своего названия. Он — не только о Петре I, но и о России на рубеже XVII и XVIII веков. Сложная и противоречивая эпоха в лице Петра I нашла выразителя только некоторых из основных своих тенденций. Толстой блестяще преодолевает ограниченность историко-биографического романа.

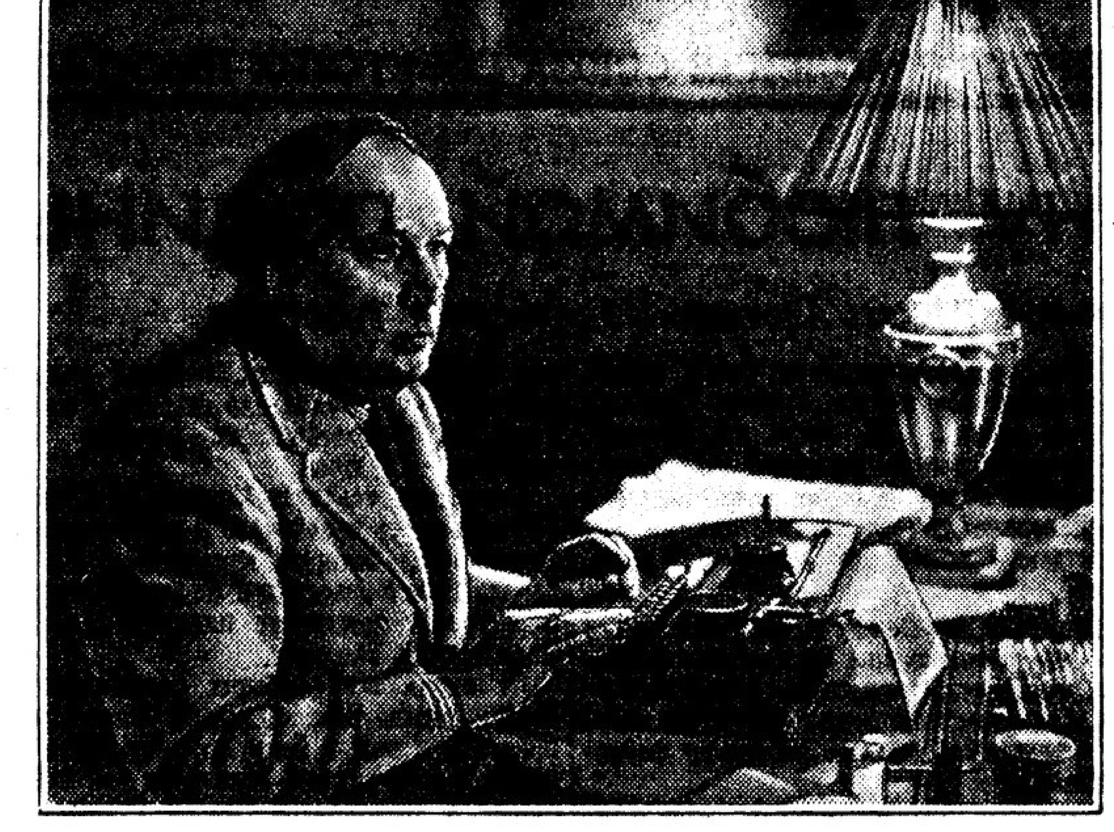
В этом заключается громадное ведущее значение «Петра I» в создании советского исторического романа.

Алексей Николаевич Толстой, обогащенный опытом величайшей социалистической революции, вырос в ее героической атмосфере в крупнейшего художника социалистического реализма.

Сейчас он находится в расцвете своих творческих сил, говорит «во весь голос». Страна и советский народ ждут от него новых, замечательных произведений.

■ ■ ■

Книги А. Н. Толстого, изданные за границей

А. Н. Толстой за работой.

■ ■ ■

Две речи

С. Марвич

Плотный конверт, добротнейшая бумага. Глубоким спокойствием веет от шрифта, которым напечатано приглашение. Так академии наук извещают ученых о том, что состоится специальный доклад, понятный для немногих. Но на этот раз тема самая жгучая. Это — приглашение в Лондон на сессию Конгресса мира и дружбы.

Они вполне добросовестны, эти люди, которые созывают сессию. Они истинные друзья мира, культуры и прогресса. Но они очень уж традиционны. Это самые традиционные ученые, писатели, художники, мыслители Европы. На сессию придет второе, третье поколение фабианцев, люди, полагающие, что свой путь к социальному усовершенствованию общество должно проходить не спеша, не вступая в жестокие конфликты с другой частью общества, хотя бы и виновной в том, что совершенствование ужасно задержалось.

Придут ученые, искренно осуждающие капитализм за то, что он безумно растрачивает народные богатства. При этом они полагают, что среди капиталистов есть хищники и организаторы, что контроль над первыми ощутительно поможет делу. Эти люди, конечно, знают о том, что в центре Европы у власти оказались кровные ненавистники культуры и человека, что в столице этого государства, которая прежде считалась умственным центром Европы, происходило зрелище мрачное, как шабаш ведьм, что на кострах сожгли книги Маркса, Дарвина, Гете, Гекселя, Гейне.

Эти люди протестуют против воскрешенного варварства. Поэтому они и пришли прослушать доклад советского гостя, роман которого о Петре Первом был тоже сожжен на берлинском костре. Они отзывчиво приняли участие в Конгрессе защиты культуры, но в их протесте еще много спокойствия. Ведь мракобесы разгулялись на континенте. На островах — этого варварства нет. Парламент такой же, как был. Университеты такие же, как были, со всеми их недостатками. Мосли не раз бит, не раз провалился на выборах. Чернорубашечникам свищут, их также не раз колотил под хохот толпы.

Зал весь наполнен, когда советский гость приступает к докладу. Он говорит также очень спокойно, как и все ораторы на конгрессе. Но другие доклады были выслушаны с вежливым академическим вниманием. А на этот раз — внимание напряженное. Зал нетерпеливо поглядывает на переводчиков.

Волнуют факты, приведенные советским делегатом. Тема его доклада — о советской литературе, но в рамки доклада невольно расширяются. Речь идет о культурной жизни новой страны, о работе художника, мыслителя, интеллигенции в социалистическом обществе.

Читательская конференция в приволжском городе. У писателя нехватило времени поспеть на нее. Рабочие читатели посылают за ним самолет. В стране шестьдесят миллионов взрослых читателей, и каждый — строгий судья, каждый помогает писателю своими требованиями.

Обо всем этом докладчик рассказывает просто, без всяких прикрас. Он умеет ярко и точно определить отдельные периоды развития нашей литературы, и это запоминается. Период первый — первые годы после гражданской войны. Советские писатели работали еще разрозненно, служение единой цели еще не об'единило художников. Второму периоду работы советских писателей — годам первой пятилетки — была свойственна очерковая торопливость. Писатель с головой окунулся в замечательный новый материал, но еще не дошел до широких обобщений. Третий период — построение социалистического общества — открыл советскому писателю эту возможность.

Доклад вызывает много вопросов. Участники конгресса не могут не сделать своих выводов. Кого из них не волнует проблема новых, небывалых отношений между художником и обществом? Кто из них вполне удовлетворен своим положением в стране? Кто не ищет новых путей? Выводы неизбежно не в пользу фабианских, рескинианских и всяких иных безмятежных теорий обновления общества.

Такова речь Алексея Толстого в Лондоне. Он спокойно делится с зарубежными собратьями накопленным опытом жизни и работы в новой стране. Это действует на умы, это убеждает.

Летом того же года Толстого видят в Испании на Международном конгрессе писателей. Он проехал по дорогам Испании от Валенсии до Порбу. С шоссе, которое фашисты держат под пулеметным обстрелом, писатель сворачивает на проселок. Деревни, дома выворочены бомбами. У разрушенных жилищ сидят занятые рукоделием женщины, а рядом, на пригорке — молодежь. Народ не бросает работы и под бомбами.

Писатель пробирается траншеями Университетского городка. Бойцы республиканской армии приветствуют советского делегата конгресса. Бойцы знают, что он расскажет о них на родине. Пробоины в стенах, сгоревшие, покинутые дома, разрушенный снарядом огромный лекционный зал, мешки с песком у окон.

Трибуна конгресса расположена у самого фронта. Здесь сидят поэты и художники в военных куртках, бойцы единого фронта, породнившиеся с Испанией не только словом, но и кровью. Здесь стоит тень испанца Гарсиа Лорка, венгерца Лукача, немца Ганса Баймлера, а с улицы сюда доносится гул бомбовозов. В этом зале не может быть ни спокойствия, ни пассивного сочувствия. И здесь было бы излишне учительно рассказывать людям о преимуществах культурного строительства в Советской стране. Бойцы Испании знают об этом лучше, чем в Лондоне. Они это прочувствовали в боях.

Ал. Толстой видел в Университетском городке на стене полуразрушенного дома огромные буквы приветствия Сталину, написанного неизвестным бойцом. Здесь звучит иная речь советского писателя — страстная, беспощадная. Писатель предупреждает героических бойцов о врагах в тылу!

«Нам еще и еще раз хочется повторить, что одно из самых опасных оружий фашизма — это ночная тень, подкрадывающаяся тайно, коварно, чтобы провокацией, диверсией и шпионажем сделать то, чего не в силах сделать враг в открытом бою. Троцкизм должен быть беспощадно растоптан во всем мире. При участии широких масс народа троцкизм должен быть обнаружен и вырван с корнем, как и у нас в СССР... Троцкий носил маску. Она сорвана с него тремя судебными процессами, где его агенты сознались... в убийствах, в шпионаже, в подготовке разрушения и гибели нашей родины. Вслед за экономическим кризисом безликие короли тяжелой индустрии выпустили своих кровавых псов, фашистов, на народные массы. Троцкий и его агенты сомкнулись с фашизмом, чтобы идти к власти любой ценой. Фашизм предоставил им область провокации, шпионажа и диверсии, область, им понятную и им свойственную».

Речь в Лондоне была обращена к тем, кто отдает свое сочувствие, свое слово борьбе против фашизма, речь в Мадриде — звучала для тех, кто проливает свою кровь в борьбе с фашизмом. Эта последняя речь — результат высокого идейного роста, результат крепчайшей политической закалки.

С трибуны единого фронта в осажденном Мадриде говорит наш крупнейший мастер, человек, кровно связанный с интересами народа, сталинский гражданин.

В гостях у кандидата

ДЕЛЕГАЦИЯ СТАРОРУССКИХ ИЗБИРАТЕЛЕЙ у А. Н. ТОЛСТОГО

По телефону от нашего корреспондента

Вчера к Алексею Николаевичу Толстому, в г. Пушкин, приехала делегация избирателей Старорусского избирательного округа: 77-летний рабочий-клеевар, стахановец фанерного комбината № 4 Семен Куприянович Куприянов (первый, предложивший выдвинуть кандидатуру А. Н. Толстого в депутаты Совета Союза), технический руководитель комбината инженер Ф. Д. Вараксин, колхозник артели «Атеист» Иван Васильевич Карпов, стахановка Парфинского фанерного завода Анисья Ивановна Захарова и редактор районной газеты «Трибуна» Г. Ф. Гладких.

Делегация передала А. Н. Толстому горячий привет от избирателей округа и приглашение посетить предприятия и колхозы районов, входящих в Старорусский избирательный округ.

Несколько часов продолжалась оживленная беседа А. Н. Толстого с делегацией избирателей.

— Рабочие и работницы Парфинского фанзавода, — сказала Анисья Захарова, — просили меня передать вам, Алексей Николаевич, следующее: книги ваши мы читали, смотрели в нашем клубе (а клуб у нас на тысячу человек) картину «Петр Первый»... Ваши произведения мы любим, и картина понравилась.

— У нас в колхозе, — сообщил Иван Карпов, — все колхозники порешили уже: свои голоса мы отдадим Алексею Николаевичу. В нашем колхозе вы будете желанным гостем, увидите, как культурно и зажиточно живем мы.

А. Н. Толстой расспрашивает делегатов о работе заводов и колхозов.

— Депутат трудящихся в Верховном Совете, — говорит он, — должен быть связан со своими избирателями самым тесным образом, должен изо дня в день бороться за их интересы, за благо своего народа и своей родины. Я понимаю всю ответственность, которую принимает на себя депутат.

По просьбе делегатов А. Н. Толстой рассказал о своей поездке в Испанию, о Мадриде, об испанском народе, героически защищающем свою независимость.

— Какой замечательный народ в республиканской Испании! — говорит А. Н. Толстой, — как похож на наш русский народ! С каким героизмом он защищает каждую пядь своей земли от фашистских бандитов.

Рассказывая о загранице, Алексей Николаевич приводит примеры нищеты в городах и селах капиталистического Запада. Он говорит о польских деревнях, напоминающих ушедшие в прошлое нищие деревушки царской России: завалившиеся избенки, крытые соломой крыши.

А. Н. Толстой сравнивает нищету, царящую в фашистских странах, с богатством советских колхозов.

— Фашизм означает ужас, — говорит Алексей Николаевич, — какого никогда не было еще в истории человечества.

Делегаты спрашивают Алексея Николаевича о писательском труде, о советской литературе.

— Я начал писать, — отвечает А. Н. Толстой, — в 1907 году. Народ до революции не читал писателей, их знали узкие круги интеллигенции. Когда книга выходила тиражом в 3 тысячи экземпляров и распродавалась в течение года, — это было хорошо.

Насколько вырос наш читатель, я могу судить хотя бы по тому, что роман «Петр Первый» вышел уже тиражом в 1½ миллиона экземпляров. И книги нигде не найдешь. Мне говорили, что для того, чтобы удовлетворить всех читателей, надо выпустить 5 миллионов экземпляров. Читать стал народ.

Для того, чтобы быть писателем, надо жить интересами своей страны, надо упорно работать над своим мастерством, надо много читать и думать.

Семен Куприянович Куприянов просит Алексея Николаевича рассказать о повести «Хлеб».

А. Н. Толстой подробно излагает содержание повести.

— Мною обусловлено, — говорит писатель, — чтобы первый тираж повести, которая выйдет в свет к 1 декабря, был отправлен в Старорусский избирательный округ. А первую книгу я подарю Семену Куприяновичу Куприянову.

— После «Хлеба», — сообщил Алексей Николаевич делегации, — я буду писать пьесу о Ленине. Действие пьесы происходит осенью 1919 года, в момент похода 14 капиталистических государств на молодую советскую республику, когда возник гениальный план Сталина, позволивший разорвать кольцо интервентов.

Дружески прощаются делегаты со своим кандидатом в депутаты Верховного Совета.

— До свидания, Алексей Николаевич, до свидания в Старой Руссе, в наших колхозах, на наших фабриках.

ЮР.

Гор. Пушкин, 18 ноября.

ДЕНЬ ПИСАТЕЛЯ

Эль-Регистан

Небольшой старый дом ничем особенным не выделяется на этой тихой провинциальной улице городка, расположенного в трех десятках километров от шумного Ленинграда. Смотришь на такой дом снаружи, и кажется, что он погружен в мирный покой и тишину, как эти запорошенные снегом деревья, поникшие за деревянным забором. Так только кажется.

Ровно в 9 часов утра по лестнице на крыльцо старого особняка взбегает почтальон, маленькая, живая комсомолка с раскрасневшимися от утреннего мороза щеками. Жизнь врывается в дом вместе с энергичным звонком девушки, деловито выкладывающей из туго набитой кожаной сумки пахнущие типографской краской свежие газеты, стопки писем и солидных пакетов всех цветов и оттенков, покрытые почтовыми штемпелями необ'ятного советского государства и зарубежных стран.

Особняк в Пушкине, в котором живет и работает большой советский писатель Алексей Николаевич Толстой, тысячами нитей связан с жизнью родного народа. Посмотрев «Петра I», кузнец из далекого сибирского села шлет А. Толстому дружеское предупреждение от советских кузнецов, указывая на маленькую неправильность, допущенную в кинопоказе кузнечной работы.

Лейтенант из красноармейского гарнизона направляет ему посылкой от имени бойцов-командиров старинную книгу петровской эпохи, случайно обнаруженную среди рухляди на чердаке:

— Может, пригодится при написании третьего тома «Петра I».

Донские красные партизаны, узнав о том, что Алексей Толстой работает над новым романом «Хлеб», спешат предложить ему в помощь свои воспоминания:

— Приезжайте к нам на места осмотреть Ворошиловские окопы, — наш колхоз их бережет, не запахивает по общему постановлению.

Такие письма, такие посылки не остаются без ответа. Писатель собирает их в папки, сортирует, сверяет факты с действительностью лаконичных военных сводок, сравнивает описание местности с топографическими картами и географическими источниками, роется в архивах и Петровских рескриптах и ленинско-сталинских декретах времен Октябрьской революции, тщательно анализирует эпоху и учится, учится непрестанно, без устали жить, мыслить и творить.

Рабочий день писателя, начинающийся с утреннего визита комсомолки-почтальона, насыщен упорным трудом. Прочитав свежие газеты, он принимается за разбор многочисленной корреспонденции. В 12 дня по внутренней лестнице поднимается наверх в свою комнату, где работает. Зажав трубку в зубах, он с драгоценным рукописным сырьем переходит к другому столу, чтобы сесть за портативную пишущую машинку.

Как всякий мастер, писатель очень строг и требователен к продукту своего мастерства — по пять-шесть, по десять раз он дополняет или сокращает напечатанное, оттачивая слова и шлифуя образ.

★

Так живет и работает кандидат в депутаты Верховного Совета Союза А. Н. Толстой, для которого великие А. М. Горький и Ромэн Роллан в разное время нашли одинаково звучащие слова:

«Вы знаете, что я очень люблю и высоко ценю Ваш большой, ценный, веселый талант. Да, я воспринимаю его, талант Ваш, именно как веселый, с эдакой искрой, с остренькой усмешечкой, но это качество его для меня где-то на третьем месте, а прежде всего талант Ваш — просто большой, настоящий русский, и — по-русски — умный... «Петр» — первый в нашей литературе настоящий исторический роман. Книга — надолго. Недавно прочитал отрывок из 2-ой части — хорошо. Вы можете делать великолепные вещи». (Из письма М. Горького. 1931 год).

«Я восхищен той мощью, тем неисчерпаемым изобилием творчества, которые у вас кажутся простыми слагаемыми. Меня особенно поражает в Вашем искусстве, твердом и правдивом, то, как вы лепите Ваши персонажи в окружающей их обстановке. Они составляют неот'емлемую часть воздуха, земли, света, которые их окружают и питают, и Вы умеете одним взмахом кисти выразить тончайшие оттенки среды».

(Из письма Ромэн Роллана. 1937 г., октябрь).

В особняке на тихой провинциальной улице живет большой писатель, советский инженер человеческих душ. Его имя произносится с любовью в родной стране, его произведениями зачитываются и многочисленные советские города и одинокая зимовка Папанина на дрейфующей льдине, заводы и фабрики, шахты и рудники, колхозы и дальние кочевки.

Гор. Пушкин, 18 ноября.

Старая Русса

От нашего специального корреспондента

Старая Русса — центр избирательного округа, выдвинувшего своим кандидатом в депутаты Совета Союза писателя Алексея Николаевича Толстого.

Это один из древнейших русских городов.

Большая многовековая история у этого города. Он отражал набеги литовских и ливонских рыцарей, он сбрасывал с себя иноземное иго, в нем происходили восстания военных поселенцев и городских ремесленников.

Старорусские патриоты, с увлечением рассказывавшие нам о прошлом родного города, сейчас с особым интересом напоминают, что Петр I не раз посещал Старую Руссу, славившуюся своим солеварением.

Старая Русса — древний город. Долгие века старорусских крестьян преследовали нищета и бесправие. Сейчас на предвыборных собраниях старые рабочие и колхозники вспоминают свою жизнь до 1917 года.

Существовал в Старой Руссе небольшой фанерный завод Лютера. Хозяин заставлял своих рабочих работать по четырнадцать часов в сутки, а заработная плата еще в 1913—14 гг. составляла 6 копеек в час для мужчин и 4 копейки для женщин.

Теперь на месте полукустарного завода Лютера стоит огромный фанерный комбинат. В сравнении с дореволюционным временем количество рабочих выросло в 5 раз, выпуск продукции увеличился более чем на 2000 процентов. Заработная плата выросла в 25 раз. Не менее разительны цифры культурных достижений окраины города, в которой расположен комбинат. Раньше здесь была одна церковно-приходская школа. Детей рабочих обучалось в ней всего лишь... 10 человек.

В советское время вблизи завода выстроена новая школа-десятилетка, в ней учатся около 1000 ребятишек — детей трудящихся. На комбинате — две библиотеки, насчитывающие 9500 книг. Самодеятельный драматический коллектив комбината пользуется широкою известностью во всей Старой Руссе.

Рабочие стахановцы фанерного комбината выдвинули первыми кандидатуру А. Н. Толстого в депутаты Совета Союза. Одновременно кандидатура А. Н. Толстого была названа на собрании колхозников колхоза «Атеист».

Колхозники в связи с выборами в Верховный Совет обратились к товарищу Иосифу Виссарионовичу Сталину с большим письмом, являющимся еще одним ярким документом победы колхозного строя.

Колхозники пишут, что они выдвинули кандидатуру А. Н. Толстого потому, что он связал свою судьбу с судьбами народов СССР, потому, что он предан нашей родине и партии большевиков, той великой партии, которая открыла крестьянам путь к зажиточной культурной жизни. Письмо содержит множество убедительных цифр и примеров роста зажиточности когда-то нищих старорусских крестьян.

Кандидатура любимого писателя А. Н. Толстого была поддержана решительно на всех предвыборных собраниях рабочих, колхозников, трудовой интеллигенции всех шести районов, входящих в Старорусский избирательный округ: Старорусского, Молвотицкого, Лычковского, Демьянского, Валдайского и Залучского.

Избиратели любят и ценят Алексея Николаевича. «Петр первый» — одна из популярнейших книг. 65-летний конюх колхоза им. Сталина (Зехинский сельсовет) Николай Смирнов с увлечением читает своей семье роман «Петр Первый».

А что делалось в Старой Руссе, когда демонстрировался фильм «Петр Первый»! За несколько дней картину просмотрело 16.500 человек.

Огромная популярность А. Н. Толстого, однако, не должна давать основания общественным организациям районов, входящих в избирательный округ, забывать о задачах агитации за своего кандидата.

Нам уже пришлось отмечать на страницах «Литературной газеты», что эта работа в Старорусском районе развернута еще слабо.

Центральная старорусская библиотека, которая, казалось, в первую очередь обязана была агитировать за писателя-кандидата, ограничилась тем, что вывесила в здании библиотеки портреты... председателя и секретаря окружной избирательной комиссии. Но в библиотеке мы не нашли ни портрета А. Н. Толстого, ни списка его произведений, ни выставки его книг с отзывами читателей и т. д.

Не лучше обстоит дело и в других библиотеках, клубах и красных уголках.

Местная газета «Трибуна» почти ничего не делает, чтобы подробно рассказать своим читателям о литературной и общественной деятельности кандидата старорусских избирателей.

Старорусские товарищи справедливо указывают, что до сих пор из Ленинграда не присланы обещанные материалы, в том числе материалы для пропагандистов и агитаторов.

Сборник о А. Н. Толстом, издающийся в Ленинграде, делается очень медленно. Все районы избирательного округа все еще ждут портретов своего кандидата. В то же время на складе фотолаборатории ленинградского Литфонда оказалось... 1.000 больших фотоснимков А. Н. Толстого! Они лежат без движения, так как все еще «выясняется вопрос», кто должен переслать эти портреты в районы Старорусского избирательного округа!

Только 14 ноября Ленкогиз собрался прислать в свой старорусский книжный магазин несколько десятков экземпляров избранных произведений А. Н. Толстого.

Витрина книжного магазина стала своеобразным «агитационным окном»: плакат извещает, что эти книги написаны кандидатом Старой Руссы в депутаты Верховного Совета СССР.

В ленинградском отделении союза писателей много говорят о необходимости активно участвовать в агитации за кандидатуру А. Н. Толстого.

Но вся реальная работа выражается пока что в посылке одной бригады в Старую Руссу.

Конечно, этим ограничиться нельзя. Не надо забывать, что Старорусский округ состоит из шести больших районов, а не только из города Старая Русса, что доклады квалифицированных критиков необходимо сделать во всех районных центрах, а литературные вечера, посвященные А. Н. Толстому, надо проводить и в колхозах и на предприятиях всего избирательного округа.

Б. РЕСТ.

Старая Русса, 17 ноября.

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

Два отрывка из романа «Хлеб»

I

Тревожные гудки по приказу Ленина раздались через два часа после взятия Пскова. Ревели все петроградские фабрики и заводы. Сбегавшимся рабочим раздавалось оружие и патроны. Сбор начался в Смольном.

Всю ночь во всех районах столицы, со всех окраин шли кучки вооруженных — на широкий двор Смольного, где горели костры, озаряя суровые, хмурые лица рабочих, их поношенную одежду, превращенную наспех — поясом, патронташем, пулеметной лентой — в военную; шинели и рваные папахи фронтовиков; золотые буквы на бескозырках балтийских моряков, державшихся отдельно, как будто этот необычайный смотр — лишь один из многих авралов при свежем ветре революции.

Было много женщин — в шалях, платках, в полушубках, иные с винтовками. Кое-где в темной толпе поблескивали студенческие пуговицы. От озаряемой кострами колоннады отскакивали всадники на худых лошаденках. Люди тащили пулеметы, связки сабель, винтовки. Охрипшие голоса выкрикивали названия заводов. Кучки людей перебегали, строились, сталкиваясь оружием.

— Смирна! — надрывались голоса. — Стройся! Владеющие оружием — шаг вперед!..

Снова пронеслись косматые, храпящие лошаденки. Хлопали двери под колоннадой. Выбегали военные, ныряли в волнующуюся толпу... В костер летел кем-то принесенный золоченый стул, высоко взметывая искры. Серые облака рвали лохмотья о голые вершины деревьев, заволакивали треугольный фронт Смольного.

Из темноты широкого Суворовского проспекта подходили новые и новые отряды питерских рабочих, поднятых с убогих коек и нар, из подвалов и лачуг неумолкаемой тревогой гудков...

В коридорах Смольного рабочие двигались сплошной стеной; одни — вверх по лестницам, другие с оружием и приказами, наспех набросанными на клочках бумаги,— вниз, в морозную ночь, на вокзалы.

В третьем этаже, где находился кабинет Ленина, в этой давке протискивались вестовые, курьеры, народные комиссары, секретари партийных комитетов, военные члены Всероссийского Центрального исполнительного комитета и Петроградского совета. Здесь видели прижатых к стене коридора растерянных «левых коммунистов», здесь Иван Гора своими ушами слышал, как старый путиловский мастер в железных очках, притиснутый к вождю «левых коммунистов», говорил ему:

— Вот, садовая голова, народная-то война когда начинается... Это, видишь, тебе — не фунт дыму...

Владимир Ильич у себя в кабинете — возбужденный, быстрый, насмешливо-колючий, решительный — руководил бурей: рассылал тысячи записок, сотни людей. От телефона бежал к двери, вызывал человека, расспрашивал, приказывал, раз'яснял короткими вопросами, резкими обнаженными формулировками, как шпорами, поднимал на дыбы волю людей, растерявшихся в этой чудовищной сутолоке.

Здесь же, освободив от бумаг и книг место за столом, работал Сталин. Сведения с фронта поступали ужасающие, позорные. Старая армия окончательно отказывалась повиноваться. Матросский отряд, на который возлагались большие надежды, внезапно, не приходя даже в соприкосновение с неприятелем, оставил Нарву и покатился до Гатчины... В минуты передышки Владимир Ильич, навалясь локтями на кипы бумаг на столе, глядел в упор в глаза Сталину:

— Успеем? Немецкие драгуны могут уже завтра утром быть у Московских ворот.

Сталин отвечал тем же ровным, негромким, спокойным голосом, каким вел все разговоры по телефону:

— Я полагаю — успеем... Роздано винтовок и пулеметов... — Он прочел справку.— Немецкое командование уже осведомлено о настроении рабочих... Шпионов достаточно... С незначительными силами немцы вряд ли решатся лезть в Петроград...

В соседней пустой комнате, где на единственном столе была развернута карта-девятиверстка, работал штаб — во главе с генералом Бонч-Бруевичем. Ленин вызвал военных специалистов из Могилева, где они ликвидировали штаб бывшей ставки. Ленин сказал им: «Войска у нас нет, — рабочие Петрограда должны заменить вооруженную силу». Генералы представили план: выслать немедленно в направлении Нарвы и Пскова разведывательные группы по тридцать—сорок бойцов и тем временем формировать и перебрасывать им в помощь боевые отряды по пятьдесят—сто бойцов. Ленин и Сталин одобрили этот план. Немедленно, в этой же комнате, с одним столом и табуреткой, штаб Бонч-Бруевича начал формирование групп и отрядов и отправку их на фронт.

Всю ночь отходили поезда на Псков и Нарву. Многие из рабочих первый раз держали винтовку в руках. Эти первые отряды Красной Армии были еще ничтожны по численности и боевому значению. Но у людей — стиснуты зубы, напряжен каждый нерв, натянут каждый мускул. Поезда проносились по ночным снежным равнинам. Питерские рабочие понимали, что вступают в борьбу с могучим врагом, и враг этот носит имя — мировой империализм... Это сознание непомерных задач оказывалось более грозным оружием, чем германские пушки и пулеметы.

Немцы надеялись без особых хлопот войти в Петроград. Их многочисленные агенты готовили в Петрограде побоище— взрыв изнутри. Тысячи немецких военнопленных — по тайным приказам — подтягивались туда с севера, с востока — из Сибири. Питерские обыватели перешептывались, глядя на кучки немцев, без дела шатающихся по городу. Но в одну черную ночь Петроград, по распоряжению Ленина и Сталина, был сразу разгружен от германских подрывников. Взрыв не удался.

Когда шпионы начали доносить немцам о возбуждении питерских рабочих, о всеобщей рабочей мобилизации, когда их передовые части стали натыкаться на огонь новосформированных пролетарских частей — занятие северной столицы показалось делом рискованным и ненадежным.

II

Продовольственные отряды питерских рабочих раз'езжались повсюду по хлебным селам, глухим деревням. Строгого плана не существовало. Отряды по собственному разумению кидались с головой в закипающую деревенскую революцию.

В ином селе мироед-христопродавец, накурив самогону, собрав сход, тряс мокрой от слез бородой, просил православных, вдов и сирот о забвении грехов своих. «Что мое — то ваше,—говорил,—господь прогневался за наши грехи, наслал заразу... Так неужто я дьяволам—большевикам—отдам хлебец? Берите лучше вы из мово амбару по два пудика, уж мы сочтемся, бог нас рассудит».

В ином селе орудовал протопоп, грозно заламывая на амвоне косматые брови: «Видали у коммунистов на фуражках козлиные рога? А кто не видал, пусть глаза пошире разинет... Понимать можете? И кто им хоть зерно даст,—это зерно на страшном суде спросится... Хлеб наш насущный даждь нам днесь,—сказано в писании. А про монополию в писании не сказано».

В ином селе кулачки по ночам пристреливали беспокойных мужичков на огородах и гумнах, в страхе держали деревенскую бедноту. Были и такие углы, где все еще сидел либеральный помещик, беседуя в сумерках на крылечке о французской революции, о выкупных платежах, о славянской богоискательской душе.

Продовольственный отряд, появляясь в селе, вылезал из телег у сельсовета. Вызывали председателя,—человек приходил, в страхе моргая на суровые лица питерских. Садились за шаткий столик, закапанный чернилами. Выясняли причины недосдачи хлеба, «просвечивали» и самого председателя. Не верили никаким оправданиям, глядели в классовый корень вещей—в нерасслоенность деревни. Надымив полную избу махоркой, созывали на завтра общее собрание.

• • • • • • • • • • • • • • •

Иван Гора забрался со своим отрядом в семь человек далеко в черноземье, в Миллерово—ближе к знакомым местам.

В селе Константиновке, куда приехали на двух телегах, начали с того, что арестовали сельсовет: председатель оказался бывшим урядником, писарь — дьяконом. Все село загудело с утра у сельсовета

Иван Гора распорядился: «Здешнее кулачье нам устроит провокацию. Ни в каком случае не открывать огня,—только в крайности. Двое—со мной, без винтовок, — на крыльцо. Остальные сидите в избе».

Иван Гора вышел на крыльцо. По толпе человек в четыреста полетел ропот. Кое у кого в руках были здоровые палки, выдернутые из плетня. Иван Гора немного помахал на толпу, будто это был рой пчел:

— Стращать меня станете потом, товарищи. Давайте поговорим.

Поговорить, конечно, нашлись охотники. Ропот утих. Он начал с главного.

— Что такое советская власть? Советская власть—это вы да мы... Мне сам Ленин приказал об этом сказать... А вы что делаете? Выбрали кровавого палача, царского урядника, Гнилорыбова, выбрали кутейника секретарем. Чьи они агенты? Гнилорыбов живет на дворе у Митрохина, всему свету известного мироеда. Дьякон—его, Гнилорыбова, зять... Вот они чьи агенты, вот кто их поставил в сельсовет. Для чего? А для того, чтобы кулак Митрохин сидел в этом глупом селе царьком да вам бы—кому пудик, кому два,—а вы ему летось за пудик два пудика, и вы бы у него батрачили хуже, чем при Николашке Кровавом... Понятно?

— Понятно, понятно,—ответили из толпы голоса.

Иван Гора метнул глазами в ту сторону:

— Не думаю, чтобы вы были такие дураки, товарищи... Не для того мы, питерские рабочие, делали переворот в октябре, чтобы Митрохин с Гнилорыбовым и вся их шатия жрали горячие блины в свое удовольствие, а вы бы...—Тут он начал указывать пальцами на тех, про кого узнал давеча от возчиков по дороге.—А вы бы, Иван Васильевич, вы бы, Миколай Миколаевич, вы бы, Степан Митрофанович, без шапки под их окошком слезно просили — повремените с должишком,—«детишкам, мол, есть нечего»... Устроили вы у себя советскую власть, ребята,—спасибо...

Он ожидал, — так и вышло: в задних рядах опять начался ропот, злые голоса: «Других ступай учить. Не хуже тебя знаем про советскую власть!» Не давая разгореться шуму, Иван Гора раздул шею — загудел басом:

— Советская власть: «Кто не работает— тот не ест». Наша первая и последняя заповедь... Батрак, бедняк, однолошадник — это советская власть... А тот, на кого вы работаете, а он ест,—это враг советской власти...

— Это как же так мы не работаем?—бешено закричало десятка два голосов. — Дармоеды питерские! Грабить приехали! У сирот последний кусок отнимать!

Иван Гора решительно шагнул с крыльца:

— Правильно! Революция послала нас к вам за хлебом. Вооруженные пролетарии, умываясь на фронтах кровью, требуют у вас хлеба. Они, бедняги, умирают, чтобы ваши дети были сыты. Требуют хлеба не у тех, у кого нет... А требуют у тебя, богатей Евдокимов... У тебя, Третьяков... У тебя, Митрохин... Стойте.—Он поднял руку. Кричавшие сильнее всех, видя, что их недружно поддерживают и к крыльцу не дают пробиться, замолчали на минуту.—Стойте!.. Мы действуем по революционному советскому закону... В силу этого мандата... (выдернул из пиджачного кармана, помахал бумажкой) председателя Гнилорыбова, как скрывшего свою принадлежность к царской полиции, и зятя его, дьякона,—арестуем, и они будут преданы революционному суду... В силу этого мандата об'являю на завтра новые выборы в сельсовет... И новый сельсовет произведет справедливую разверстку хлебных излишков... У кого мало хлеба — с того не спросится, у кого много хлеба — тому придется немножко поделиться с революцией...

Иван Гора своротил большой нос, мигнул, и одобрительно засмеялось большинство собрания.

• • • • • • • • • • • • • • •

Весь день шумело село, покуда на широкой улице, уходящей черным шляхом в степь, не показалось стадо. Позади садилось широкое солнце, ударяя сквозь пыль низкими лучами по коровьим раздутым бокам. Запахло парным молоком. Заскрипели ворота. Перекликались женские голоса.

Кучки спорящих начали расходиться. Улица опустела. Только у сельсовета еще виднелся народ,—выходили и входили, хлопая дверью, желтел сквозь ставни свет. На завтра были намечены удачные кандидаты в председсельсовета и в секретари—бойкие, неглупые ребята—из самых захудавших на селе. Выяснены приблизительные запасы хлеба по кулацким дворам. Казалось, все шло гладко.

Опустела и площадь у сельсовета. Над высоким тополем разгорались семь звезд Большой Медведицы. Конечно, если вслушаться в ночную тишину не городским, а деревенским ухом, можно было бы различить непривычные звуки, например, — далеко в степи конский топот. Но мало ли кому понадобилось скакать среди ночи...

Замоткин, завхоз отряда, раздобыл хлеба, яиц и кислого молока. Комаров, Жилин, молчаливые братья Уйбо и больной цынгой Федичкин (все путиловцы, из одного цеха) поужинали. Иван Гора приоткрыл ставень:

— От этой махорки с души воротит...

Ночь была черная, влажная, тихая. Даже собаки перестали брехать. Лениво принимался шелестеть тополь, заслонивший несколько звезд... Замоткин сообщил, что на дворе роскошный сарай, правда, без крыши, но внутри чисто и пусто...

— Тут бабенка одна вертелась в сумерках: «Не надо ли вам чего, товарищи!» Велел ей соломы принести.

— Бабенка вертелась?—удивленно спросил Иван Гора.

— Своя вполне, товарищ начальник. Я к ней ведь не сразу, а с подозрением: «Ты что, говорю, тут нюхаешь, толстенькая? Может, баню истопила?»

— Вот дурной!—Иван Гора захохотал, топая сапогом.—Ну, как, ребята, в сарай пойдем?

Все согласились, что обстановка не внушает опасений. Все-таки для осторожности решили по очереди дежурить. Захватили остатки хлеба, портфель, винтовки, пошли в сарай. Здесь, действительно, было хорошо, прохладно, пахло свежей травкой, растущей у порога широких, щелястых покосившихся дверей.

— Замоткин, ты как же, так ее в лоб и спросил про баню?

— Ага. Думаю,—ну как скажет про баню—сейчас арестую...

— Умора!..

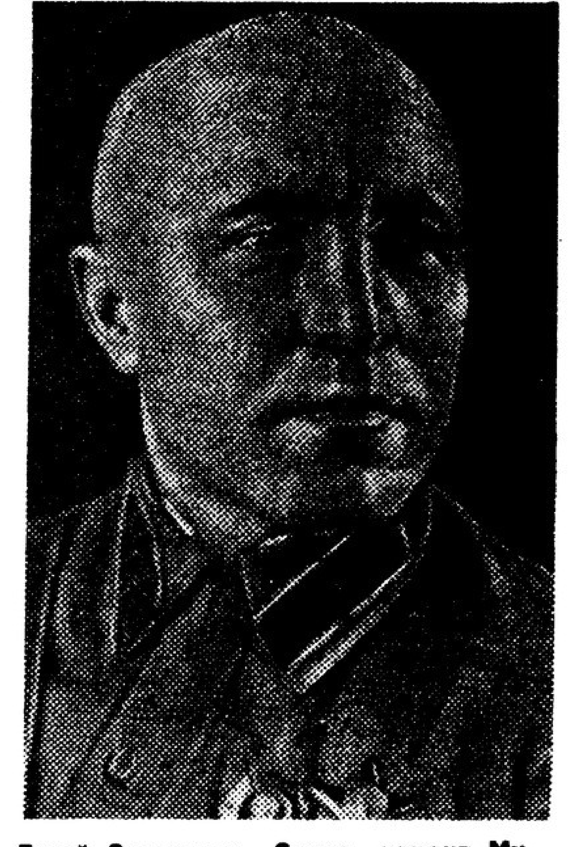
Иван Гора закрутил головой. Начал стягивать сапоги, но подумал—не стоит, пожалуй. Один из братьев Уйбо взял винтовку, пошел к воротам. Семь человек легли на жиденькую соломенную подстилку, и тут же—кто ровно задышал, кто начал посвистывать носом...

Иван Гора еще слышал, как Уйбо, видимо, соскучась стоять у ворот, сел на бревна, тяжело прислонился снаружи к доскам сарая. Над головой смутно темнел переплет стропил, горели большие донские звезды.

Внезапно Иван Гора, не разлепляя глаз, привстал: показалось, что в стену сарая ударили чем-то, будто застонал человек. Но проснулся Иван Гора от раздирающего треска повалившихся дверей, от звериного вопля. Вскочил, протянул руки. Кто-то кинулся на него, остро воняющий потом, бешено обхватил, ломая, и сейчас же ударил лезвием вскользь—мокро—в голову...

Николай ПАНОВ

ПРЕДВЫБОРНАЯ РЕЧЬ О КОМДИВЕ ПЕТРОВЕ

Герой Советского Союза комдив Михаил Петрович Петров баллотируется в депутаты Совета Союза по Наро-Фоминскому избирательному округу (Московской области).

Страна наша сталью одета.
И, брови нахмурив сурово,
Ее охраняют герои —
Им равных в истории нет.
Споем про комдива Петрова!
Прославим комдива Петрова —
Танкиста и кандидата
В Верховный Союзный Совет!
Взгляните на смуглые скулы,
Взгляните на взор непреклонный,
На жесткий, крутой подбородок,
Овеянный сотней ветров...
Под лязги и грохот и гулы
Ведет броневые колонны
Герой трудового народа —
Михайла Петрович Петров.
Он был полуграмотный слесарь...
Его б вы узнали едва ли...
Родился он в дальней деревне,
В закованной, нищей стране.
Он к солнцу тянулся из леса,
Он жил в петербургском подвале,
Трудясь на Патронном заводе,
На Выборгской стороне.
Когда в металлическом вое
Штыки свои в землю вонзали
Солдаты (в окопные ночи),
Вскипала восстаний река.
С матросским суровым конвоем
Он был на Финляндском вокзале,
Он слушал — голодный рабочий —
Речь Ленина с броневика!
Пылают восстанья горнила...
Винтовки дают на Патронном...
Солдаты с рабочими рядом...
Октябрьская ночь на дворе...
Отброшен кровавый Корнилов!
Конец императорским тронам!
Михайла с рабочим отрядом
Врывается в Зимний дворец...
Дни славных походов настали.
Винтовки всегда наготове.
Краснов и чехословаки...
Урал, Туркестан, Ярославль...
Да здравствуют Ленин и Сталин!
Споем о Михайле Петрове,
О красноармейце Петрове,
Чья слава в сраженьях росла!
Мы учимся, крепнем и строим.
Страна расцветает на диво!
И тех, кто ее защищает,
Умеет она наградить...
Он был незаметным героем,
Он стал знаменитым комдивом:
Два ордена, путь освещая,
Горят у него на груди!
Лесная зеленая дрёма
Моторным взрывается ревом —
Ревут многотонные танки,
Танкетки встают на дыбы:
Мы знаем, что на танкодромах
Танкисты комдива Петрова
В учебные ходят атаки,
Ломают на части дубы.
Вращаются плоские башни,
Окрестности в пушечном громе...
Разбитые в щепы мишени
Дымятся на дальнем лугу...
А он наблюдает — всегдашний:
По-сталински весел и скромен,
Всегда неуклонный в решеньях,
Всегда беспощадный к врагу.
Ноябрьские дни на исходе!
Страна бюллетени подымет
За счастье, за мир, против войн —
В торжественный выборный день...
Трудящийся Наро-Фоминска
Назвал пролетарское имя
Героя, который достоин
Войти в окружной бюллетень:
То — имя комдива Петрова.
Фамилия скромная эта
Танкиста и кандидата
В Верховный Союзный Совет...
Страна наша сталью одета.
И, брови нахмурив сурово,
Ее охраняют герои —
Им равных в истории нет!

Илья ФРЕНКЕЛЬ

Мой герой

И в стихе и в жизни дружим,
Мы с тобой —
Общей цели вместе служим,
Мой герой.
Ты, моряк, стоишь на вахте,
Мой герой.
Ты рубаешь уголь в шахте,
Мой герой.
Пашешь землю, город строишь,
Мой герой.
Варишь сталь, каналы роешь,
Мой герой.
Ты — отважный пограничник,
Мой герой.
Ты — стахановец, отличник,
Мой герой.
В стратосферу мчишься к звездам,
Мой герой.
Громом бьешь по вражьим гнездам,
Мой герой.
Вот на льдине ты зимуешь,
Мой герой.
Ночи Арктики штурмуешь,
Мой герой.
Ты — ученый, врач, писатель,
Мой герой.
Ты — артист, изобретатель,
Мой герой.
Большевик непримиримый,
Мой герой.
Всем народом нашим чтимый,
Мой герой.
Ты проверен, ты испытан,
Мой герой.
Славным Сталиным воспитан,
Мой герой.
Лозунг, песня, речь поэта,
Голос мой —
Чтоб прошел в состав Совета
Мой герой.

ЛЕВ КАССИЛЬ

ЛЕДОВЫЙ КОМИССАР

Ледовый комиссар!..

Четыре года назад в вагоне скорого поезда Негорелое—Москва, в котором мы, встретив Отто Юльевича Шмидта на границе, возвращались в столицу, везя спешно набросанные корреспонденции, очерки, фельетоны, в поисках четкого, всеохватывающего заголовка наименования простого, запоминающегося, броского — вдруг нашлись эти слова — Ледовый комиссар.

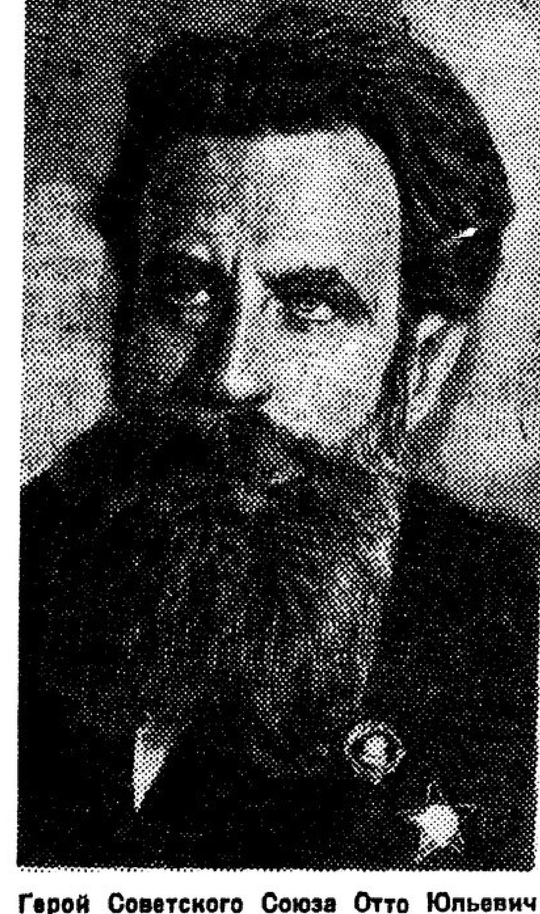
Теперь мы снова ставим в заголовок эти два слова.

Маяковский учил нас обогащать язык находить слова, чтоб «без'языкая улица» могла «разговаривать», выражая свои новые чувства и помыслы. И трудно не испытывать законной, мне кажется, тут писательской гордости, когда слышишь, как в речах и приветствиях, в статьях и очерках товарищей и просто в разговоре Отто Юльевича Шмидта величают Ледовым комиссаром — высоким званием, почетным титулом, который был найден тогда, 5 июня 1934 г., в поезде, везшем нас с границы.

Отто Юльевич Шмидт баллотируется в Совет Национальностей по Казанскому избирательному округу. Я живу в Москве. Мне, к сожалению, не придется голосовать за Ледового комиссара. Но по советским законам каждый гражданин может агитировать за любого выставленного кандидата. И я с гордостью воспользуюсь этим правом, правом гражданина и возможностями писателя-журналиста.

Многажды и в различной обстановке доводилось мне встречаться с Отто Юльевичем.

Профессора Шмидта я увидел впервые в дверях деканата физико-математического факультета I МГУ. Шла академическая проверка студентов. Один из моих приятелей, отрастивший огромные хвосты несданных зачетов, нервничая, ждал своего часа. Мы уже были проверены. На наших зачетках уже красовался штамп комиссии, отпустившей наши души на покаяние. Но мы не могли оставить своего еще «не проверенного» друга. Нервное возбуждение сошло, схлынуло, обнажив усталость. Хотелось спать только. И вот дверь кабинета открылась, и мы увидели фигуру высокого, бородатого человека. Это был председатель комиссии. Он медленно обвел нас понимающим добрым взглядом. У него были большие, немигающие, серо-голубые глаза. Прямой, бородатый, с правильными чертами лица, он был похож на известный портрет Джона Брауна, самоотверженного аболициониста.

Герой Советского Союза Отто Юльевич Шмидт баллотируется в депутаты Совета Национальностей от РСФСР по Казанскому избирательному округу.

— Ну, еще немножко осталось потерпеть, — как бы извиняясь сказал он,— не надо волноваться... А вы чего тут дожидаетесь? Ведь вы уже как будто проверены? Спать, спать пора! Смотрите, какой у вас вид утомленный.

— Нет, уж мы подождем. Вот, как вы нашего Петро отпустите, так уж мы вместе.

— Нечего и ждать. Спать надо. Вон, смотрите, этот товарищ совсем уже засыпает. Идите спать.

Он сердито твердил: «Спать, спать!». Но не мог скрыть где-то на дне своих серых глаз затаенного одобрения.

Я вспомнил об этой физматовской ночи в то невеселое утро, когда Ушаков радиографировал с челюскинской льдины, что Отто Юльевич Шмидт болен, что правительству необходимо настоять, — нет, просто предписать Шмидту при первой же возможности покинуть ледовый лагерь. Мы узнали, что несколько дней Шмидт превозмогал болезнь, скрывая ее от товарищей по лагерю, изо всех последних сил стараясь не свалиться. Слабые легкие и давно уже подкрадывавшийся туберкулез сломили яростное сопротивление. Шмидт слег. Четыре дня скрывал он от всего мира свою болезнь. Мы вспомнили физматовскую ночь и затаенное одобрение во взгляде серых глаз. Мы поняли («Нет, уж мы вместе!..»).

Второй раз мне пришлось встретить О. Ю. Шмидта на подножке вагона польского экспресса.

Густым сосновым лесом проехали мы из Негорелого к коттеджам пограничной заставы, к волейбольной площадке, к красному уголку — самому первому красному уголку у входа в СССР с Запада. Красноармейцы заботливо украшали заставу, приколачивали транспарант: «Привет советскому Колумбу!». Первый привет Страны советов был от имени Красной Армии на первых же метрах оберегаемой ею земли.

Тихо на границе. Из-за польского горизонта плывут облака, переваливают через границу, проходят над заставой, над лозунгом арки: «Коммунизм сметет все границы». И ветер несет их к советским горизонтам.

И вот ровно в 8 часов вечера, тяжело отпыхиваясь, медленно прошел под аркой экспресс. И в предпоследнем вагоне мы увидели осунувшееся лицо Шмидта и загорелый лоб Ушакова. Покинув почти два месяца назад шаткую, неустойчивую льдину, они плыли на чужестранных кораблях, двигались по чужим землям, и вот за скромной аркой, которая в эту минуту стала для них триумфальной, они снова на родной земле.

— Наконец-то после всех заграниц можно снова вздохнуть полной грудью на советской земле! — восклицал Отто Юльевич и глубоко вдыхал аромат белорусского бора.

Потом мне доводилось не раз видеть Отто Юльевича на собраниях, на митингах, слышать его замечательные рассказы о героизме советских полярников — слышать в больших залах и дома, в кабинете ученого. Но особенно запомнился мне один день. В этот день прославленный Ледовый комиссар, ученый, отважнейший путешественник проходил суровую и ответственную проверку. Проверка буднями, испытание медленным огнем повседневности— один из самых серьезных экзаменов. Можно быть человеком безумной отваги, а в деловом повседневьи оказаться трусом. Моряк, хаживавший вокруг света, оказывается иногда на суше обведенным вокруг пальца... Такова проверка буднями.

В одной из небольших комнат здания бывших Верхних торговых рядов, у стола, покрытого красным сукном, встал встреченный аплодисментами человек, большевик, ученый-исследователь, чьи походы и знания, чье мужество и твердость водителя советских полярников были известны каждому из присутствовавших на том собрании. Но в этот день в небольшом зале своего учреждения он, как коммунист, как рядовой член партии, проходил партийную проверку.

— Моя биография, — говорил он, — ничем особенным не замечательна и мало поучительна. Поучителен в ней разве только яркий пример того, как велика могучая воспитательная сила пролетарской революции. Я — интеллигент. Профессор...

С мужественной откровенностью, без рисовки и позы рассказывал он о сложном своем пути в партию. Гимназия в Одессе, Снаряды с «Потемкина». Пожар гавани, еврейский погром, заревом вставшие над мирными горизонтами детства. Но это было лишь тревожным ответом каких-то далеких и не совсем понятных бед. Потом Киевский университет. Чтение Маркса, война, канонада которой потрясла молодого ученого и заставила по-иному взглянуть на многое. Петроград 1917 года. Июль — октябрь. Революция радует, увлекает его. Но он еще не верит в силу поднятых масс. И Базаров нашептывает ему, что Ленин — фантаст. Затем Москва. В том же самом здании Верхних торговых рядов, где теперь проходил партийную чистку Ледовый комиссар, оседает Наркомпрод. Шмидт — член коллегии наркомата. В декабре 1919 года вместе с лучшими из интернационалистов принимается в РКП и получает партбилет, в котором стаж засчитан с марта 1918 года. В 1920 году — член коллегии Наркомпроса. Заведующий Госиздатом.

Потом проект создания Большой советской энциклопедии. Тесное общение с лучшими людьми партии. Частые встречи с Лениным. Бывал на всех с'ездах партии после Октября, кроме тех, когда мешали... льды. Огромная работа на Севере.

Сталинская идея о сквозном плавании— Великим северным морским путем. Личная неустанная помощь и руководство товарища Сталина.

Исторические походы, окончательно выковавшие одного из лучших коммунистов Арктики.

Нужно ли приводить здесь весь послужной полярный список Шмидта? Начиная с 1929 года этот список становится тождественным славной летописи победного наступления большевиков Арктики. В 1929 году Шмидт на ледоколе «Седов» отправился на Землю Франца-Иосифа и впервые водрузил там красное знамя Советов. Уже тогда профессор Шмидт был облечен замечательным званием «Комиссара Архипелага». Через год Шмидт, опять на «Седове», повторил это путешествие, а затем со своей экспедицией направился к Северной Земле.

Так были внесены поправки в старые карты Арктики. Некоторые мнимые земли были разжалованы в несуществующие, но попутно были открыты и нанесены на карту новые земли, новые острова и между ними остров Шмидта. В 1932 году Шмидт на «Сибирякове» в одну навигацию, несмотря на чудовищно-тяжелые условия, прошел Великим северным морским путем из Архангельска в Тихий океан. Это был поход небывалый в истории мореплавания. Страна наградила Шмидта орденом Ленина.

...Заседание в зальце Главсевморпути заканчивается.

— Товарищи, — говорит председатель комиссии по чистке, — товарищи... Проверка товарища Шмидта показала, что он с честью носит не только высшее отличие гражданина — орден нашей страны, но и самый почетный документ человека — партбилет коммуниста!

Трудно сейчас энциклопедии поспевать за нашей жизнью. Шмидту — главному редактору БСЭ — это известно лучше, чем кому бы то ни было... Не успел книгоноша доставить вам очередной том, еще пахнущий клеем и краской, как сведения о советской действительности, изложенные на его страницах, уже устарели... Возьмите том БСЭ на букву «Ш». Прочтите, какими заманчивыми, интригующими строчками обрывается скромная заметка о Шмидте:

«Ш. 12 июля 1933 г. отправился на судне «Челюскин» (см.) во главе новой полярной экспедиции для повторения рейса 1932 г., имея ряд новых научных и хозяйственных заданий. Для обеспечения работы и исследований Арктики Ш. проделана большая работа по подбору и подготовке научных и практических кадров».

Вот и все. Отправился на судне... Заметка на этом обрывается, как-будто писавший ее сам торопился на вокзал провожать Отто Юльевича или уехал вместе с ним.

Необходимо несколько дополнить эту короткую справку.

У Отто Юльевича Шмидта, большого ученого, академика, большевика, автора большой специальной математической работы «Абстрактная теория групп», слава мировая и разносторонняя. Имя Шмидта— краткое и твердое, словно вырубленное изо льда — энциклопедично. Это имя носит один из островов Полярного моря. Это имя носил лагерь на шаткой, но никогда не тающей в нашей памяти льдине. Этим именем подписаны серьезнейшие математические труды. Это имя первым стояло в историческом рапорте, посланном Сталину людьми, завоевавшими Северный полюс. Принадлежа к партии, меняющей лицо земли, Шмидт удостоился права первым редактировать новый портрет и опись нашей планеты — большой советский атлас мира.

Его, ставшая уже знаменитой, патриархальная, столь любимая карикатуристами борода, как своеобразный флаг развевается во всех больших советских полярных походах. Вот мы провожаем его зябким утром с Московского аэродрома, где он вместе с Папаниным проверяет утварь и хозяйство первой в мире зимовки на Северном полюсе. Проходят месяцы, и снова на этом же аэродроме мы встречаем его опять, уже вернувшимся с полюса.

Он не любит писать. Ему кажется скучным это томительное занятие. Он не написал ни одной книги о своих замечательных походах. А сколько интересного он мог бы рассказать нам... Он не любит писать, но это не мешает ему быть страстным читателем. Он читает много, всегда и везде — дома, в отпуске, на ледоколе, на льдине. Гете — вот один из любимых его авторов. Это отвечает энциклопедичности шмидтовских интересов. Но он ценитель и современных книг, особенно — современных поэтов. Он верный почитатель Маяковского.

Он любит молодость в искусстве, в театре.

Он сам живет большой, молодой, полноценной жизнью. И несмотря на огромную занятость, на большую ответственную работу, у Шмидта как-то выкраивается время для отдыха, для прогулок, для спорта. Он любит изобретать всевозможные игры. Его любимая забава — выдуманная им игра в бутылку капитана Гранта — не раз помогала челюскинцам коротать тяжелые часы. Пишется таинственная записка, где добрые три четверти букв отсутствуют и заменены черточками. Записку эту надо расшифровать.

Шмидт любит хорошую улыбку и звонкий смех. Самая длинная зимовка не сможет поколебать в нем жизнеупорной, большевистской веры в успешный исход дела. Он остается великолепным организатором в любой обстановке. И люди верят в него, как верят большому человеку, умному начальнику, другу. Стоит лишь послушать, с каким восторгом говорят о своем Ледовом комиссаре те, кто разделил с ним тяготы ледового относа, или же трудные величественные часы, когда власть человека закреплялась над Северным полюсом.

Академик, орденоносец, Герой Советского Союза — он выдвинут сейчас кандидатом в депутаты Совета Национальностей. Он знает просторы нашей страны, начиная от Памира и кончая Северным полюсом, и страна знает его, славит и голосует за него.

ОБСУЖДАЕМ БОЕВЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ

Не будем простодушными

Единодушие, с каким поэты обрушиваются на гонителей политической поэзии, в основном наметилось уже на с'езде писателей, когда стало очевидным, что атака Бухарина на поэтов-агитаторов по существу своему направлена против советской поэзии вообще. Смысл бухаринской диверсии теперь ясен каждому, кто не забыл, что рядом с декларацией о том, что «время агиток Маяковского прошло», Бухарин провозглашал здравицу в честь поэтов, наиболее удаленных от советской действительности. Многим ли отличается в этом отношении позиция Елены Усиевич от бухаринской позиции?

Усиевич также старается прикрыть свое неприятие советской поэзии в целом неприятием поэтической работы, наиболее тесно связанной с политическими задачами страны.

В отличие от Бухарина Усиевич не кричала, что «время агиток Маяковского прошло». Нет, она оставила место под солнцем Маяковскому и Демьяну Бедному. Оставила с той целью, чтобы заявить, что **прошло время почти всех остальных поэтов.**

С одной стороны, у нее получилась видимость борьбы с бухаринской концепцией, а с другой стороны, ей удалось ценой снисходительного признания двух больших советских поэтов остаться на бухаринской позиции **отрицания советской поэзии в целом.** В этом суть дела, которую не смогут затушевать никакие хитрые оговорочки самой Усиевич. Между прочим, найдется ли хоть один беспристрастный человек, знакомый с деятельностью Усиевич на поэтическом фронте и с ее вкусами, который бы поверил в искренность ее признания, скажем, Демьяна Бедного?

Нет, не Демьяну последовательно служила критическая муза Елены Усиевич. Не Демьяна, а махрового кулацкого барда вдохновенно прочила она в «поэты миллионов». Впрочем, муза Усиевич усердно служила и буржуазной группе конструктивистов. И еще кое-кому в том же роде. Довольно ясно видны сквозь завесу восхвалений Маяковского и Д. Бедного намерения Усиевич, попытавшейся еще раз свести к нулю итоги советской поэзии.

Весьма показательно, что для этой попытки выбрано «подходящее» время: канун 20-летия Октябрьской революции. Весьма показательно, что свои нулевые итоги Усиевич удалось продвинуть также в прессу, печатающуюся у нас на иностранных языках. Весьма показательно, что это происходит в то время, когда советские поэты активно выступают в газетах и журналах со стихами именно на политические темы. Замечательные поэтические произведения таких певцов советских народов, как Джамбул, С. Стальский и др., на политические темы появляются как раз в то время, когда Усиевич и ее подручные пытаются поставить под сомнение существование политической поэзии.

В этом—главное, о чем надо говорить в интересах развития боевой советской поэзии, ликвидировать которую собралась Елена Усиевич. Тяжелая для нее задача.

АЛЕКСАНДР ЖАРОВ

НАШЕ МНЕНИЕ

...Вакса чернит с пользой, а злой человек с удовольствием.

...Не все стриги, что растет.

Козьма Прутков.

Бесспорно чрезвычайно назрела необходимость в широком обсуждении вопросов советской поэзии, как и вообще в откровенной и глубоко самокритичной дискуссии во всех областях идеологического фронта литературной работы.

Нужно помнить, что в советской литературе, как и на всех остальных участках социалистического строительства, активно орудовали враги. Чего стоит одно вредительство в поэзии предателя Бухарина, выступавшего с откровенным контрреволюционным призывом к забвению политической поэзии и к ориентации на формалистическую и по существу враждебную нам поэзию! Хорошо известна также вредительская деятельность в области поэтической критики А. Селивановского, Мустанговой, Е. Трощенко и иже с ними.

Казалось бы, это должны были учесть и поэты и критики, работающие в области поэзии, и концентрировать свои усилия для преодоления контрреволюционных теорий о поэзии. Несомненно, что эта борьба должна вестись по принципу суровой, большевистской самокритики, не взирая на лица. Со всей прямотой должен быть поставлен вопрос о достижениях и недостатках в творчестве поэтов, являющихся активом современной советской поэзии.

Но мы решительно протестуем против той развязности, с какой т. Усиевич обрушивается против ряда советских поэтов.

Стремясь доказать, что Маяковский отличный политический поэт, а Жаров скверный, Усиевич сравнивает этих двух поэтов по их стихотворным откликам на смерть Есенина. Подчеркивая, что «Стихи Маяковского на смерть Есенина — одно из лучших его произведений», а стихи Жарова на эту же тему слабые, т. Усиевич по существу грубо смазывает значение поэтической работы Ал. Жарова. Анализируя работу этих двух поэтов, она об одном говорит, ссылаясь на его поэтическую удачу, а о другом с заведомой желчью и стремясь свести всю его работу к одному неудачному стихотворению. Тов. Усиевич ни одним словом не упоминает о талантливой «Гармони» Жарова и многих других его хороших стихах и песнях, зачитанных до дыр советской молодежью.

Можно и нужно говорить о существенных недостатках стихов Жарова, часто просто плохих. Мы не собираемся сравнивать дарования Маяковского и Жарова, но мы решительно восстаем против механического, вульгарного и злобного отрицания Александра Жарова, как поэта, на всем протяжении его литературной деятельности.

Не секрет, что Жарову свойственны большие провалы в работе, как это свойственно и другим поэтам, например, Николаю Тихонову. Но у Жарова есть свои удачи и радости, известные нам по стихам последнего времени. Он недавно только написал всюду распеваемую сейчас «Песню былых походов».

После Жарова т. Усиевич принимается за Голодного, который, по ее словам, «претендует на звание политического поэта».

Усиевич вытаскивает из поэтической копилки Голодного его плохие, старые стихи и начинает их потрошить. Нужно ли доказывать, что эти стихи не характеризуют поэтической физиономии Голодного, а являются в значительной степени отражением чуждых влияний и в немалой степени несут на себе следы воздействия той самой критики, которая в течение последних лет склоняла поэтов к хиромантии и шаманству. Среди этой категории критиков т. Усиевич принадлежит не последнее место.

Но не эти стихи типичны для Михаила Голодного. Советский читатель знает его как автора хороших стихов о гражданской войне, как автора стихотворений «Романтическая ночь», «Трое», «Судья Горба», «Облава», «Речь в ямбах». В этот же список хороших стихов мы включаем и стихотворение «Верка вольная», хотя об этом стихотворении т. Усиевич говорит, что «оно носит характер грустных воспоминаний о протекшей романтической юности» и не имеет отношения к событиям гражданской войны.

Мы отнюдь не намерены замалчивать недостатки Мих. Голодного, которых не лишены и сейчас многие его стихи на злободневные темы (например, стихотворение «Лейтенанты», стихи об Испании и др.). Но не надо забывать, что совсем недавно Голодным написано прекрасное стихотворение— песня про матроса Железняка, распеваемая миллионами.

Не менее развязная характеристика допущена т. Усиевич по адресу Михаила Светлова. Между тем, у него, кроме «Гренады», наберется добрый десяток отличных стихов о гражданской войне и комсомоле.

Наконец, о Джеке Алтаузене — поэте, бесспорно, растущем и много работающем над собой. Поэт этот своей удачной поэмой «Жили два товарища» и другими стихами разрушил представление о себе, как об авторе двух длинных и трескучих поэм, какими являются «Безусый энтузиаст» и «Первое поколение». Но мало этого.

Сама т. Усиевич утверждает, что политическими стихами можно назвать любые хорошие стихи, написанные поэтом на темы нашей действительности, а не только стихи, написанные специально для газеты. Естественно поэтому спросить, почему же из поля зрения т. Усиевич «выпадают» лучшие стихи таких пользующихся широкой симпатией у читателей поэтов, как Николай Асеев, Иосиф Уткин, Ал. Прокофьев, Илья Сельвинский, Николай Тихонов, Адалис, Вл. Луговской и С. Кирсанов? Раз уж т. Усиевич собралась говорить о политической поэзии, то почему она умалчивает о положительном, в значительной своей части, опыте политической поэзии таких поэтов, как В. Лебедев-Кумач, Ал. Сурков, М. Исаковский и В. Гусев?

Совсем уже пренебрежительно т. Усиевич говорит о сборнике поэтов «Молодая Москва», от которого т. Усиевич не оставляет живого места. А между тем, нужно быть или совсем без вкуса, или притвориться слепым, чтобы в этом сборнике не увидеть отдельных подлинно талантливых стихов. Тов. Усиевич в основном раздражает оптимизм этого сборника. Что ж, нельзя не согласиться с оптимизмом сборника—его авторами является советская молодежь. Нет, т. Усиевич! Молодая поросль советской поэзии есть, и она уже начинает пополнять актив советской поэзии.

В заключение позволительно выразить сомнение в искренности яростной пропаганды т. Усиевич поэзии Д. Бедного, не нуждающегося, правда, в ее аттестации.

Сомнение это тем более уместно, что не далеко еще то время, когда т. Усиевич буквально раболепствовала перед кулацкой мазней Павла Васильева.

Нет, т. Усиевич не удастся одним росчерком своего пера уничтожить советскую поэзию, которая складывается не из отдельных неудач поэтов, а из удачных и любимых советским читателем произведений всех работающих поэтов вместе!

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВ, СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ, СЕРГЕЙ ОСТРОВОЙ

■ ■ ■

16 ноября в Доме советского писателя состоялось общемосковское собрание жен писателей, посвященное выборам в Верховный Совет СССР. На снимке: **жены писателей слушают доклад тов. Ф. Полякова на тему: «Сталинская Конституция и женщина в СССР».**

ЭСТЕТИКА И ПОЛИТИКА Е. УСИЕВИЧ

Совершенно ясно и элементарно, что поэзия испокон века, от Пушкина до Маяковского, в конечном счете всегда была и будет областью политики. Именно поэтому после редакционной статьи «Правды», разоблачающей вредительскую работу на с'езде писателей врага Бухарина, статья Е. Усиевич лишний раз подчеркивает, что «теории» и «эстетические концепции», прикрывающие собой политическую линию, еще полностью не разоблачены, имеют много общего со всеми теориями врагов советской литературы.

В чем же общность «теорий» Е. Усиевич с «теориями» и «эстетическими концепциями» критиков, дезориентирующих и разлагающих советскую поэзию, в частности «теориями» врага народа Бухарина? Их общность состоит в том, что симпатии и эстетические взгляды Усиевич в течение многих лет направлены в сторону писателей и поэтов, враждебных советскому народу.

В своей последней статье, неотделимой от прошлой ее критической деятельности, Е. Усиевич наградила обычными комплиментами В. Маяковского и Демьяна Бедного, попутно она выводит из строя всю остальную боевую и живую часть советской поэзии. Совершенно понятно, что особая злоба появляется в этой статье там, где речь идет о поэтах, разоблачающих в течение пяти лет тесные связи Е. Усиевич с бешеным врагом народа П. Васильевым. В этой своей статье Е. Усиевич забыла только указать, что именно этого хитрого врага она не так давно противопоставляла всей советской поэзии и делала это после того, когда в «Правде» появилось письмо поэтов, срывающих маску с ее салонно-групповой деятельности.

Ее эстетические симпатии к разложившимся, издающим мертвый запах литераторам, широко известны не только поэтам. И враг охотнорядец П. Васильев, и вечно пьяный враг поэт Корнилов, и враг разложившийся Лавров, и высланный в свое время Смеляков, пользовались любовью и полной поддержкой Е. Усиевич, в то время как поэты и писатели, преданные интересам народа поносились и уничтожались на страницах журналов «Литературный критик» и «Литературное обозрение».

Все это говорит о том, что последняя статья Усиевич не удивила и удивить не может никого, она есть закономерное развитие предыдущей ее деятельности. Очевидно Е. Усиевич еще ничего не поняла и ничему не научилась. В свете разоблачения литературных групп деятельность Е. Усиевич в группе конструктивистов могла бы многое об'яснить и вскрыть для дальнейшей работы Союза советских писателей. Но и тут Е. Усиевич осталась сама собой: ее статья на эту тему написана только для того, чтобы замазать этот вопрос и взвалить всю ответственность на ее бывших беспартийных друзей. Мне думается, что правдивое выступление ее бывших соратников И. Сельвинского, Инбер помогли бы в очистке наших рядов от интриганов и маловеров, разлагающих нашу советскую литературу.

Об'ясняя на конкретных примерах деятельность того или иного критика, срывая с его работ эстетические покровы, мы раз и навсегда покончим с вредительской работой на литературном фронте.

МИХ. ГОЛОДНЫЙ

О политической поэзии

22 ноября секция поэтов ССП созывает общемосковское собрание поэтов, посвященное обсуждению вопросов политической поэзии.

Со вступительным словом выступит А. Сурков. В обсуждении примут участие поэты: Н. Асеев, Д. Алтаузен, С. Васильев, М. Голодный, В. Гусев, А. Жаров, В. Луговской, В. Лебедев-Кумач, И. Сельвинский, И. Уткин и др.

Собрание состоится в ДСП. Начало в 18 часов.

Ф. КЕЛЬИН

Хосе Бергамин

Ему сейчас 42 года. Он родился в Малаге. Его отец был государственным человеком дореволюционной эпохи. Литературная деятельность Бергамина, как и большинства писателей и поэтов его поколения, началась в 1922 г., когда вышла в свет его первая книга.

Уже с первых шагов Бергамин обратил на себя внимание читателя яркостью и оригинальностью своего таланта. Поддерживая живую связь с настоящим, принимая горячее участие в литературном и философском движении Западной Европы, Бергамин в то же самое время — один из лучших истолкователей староиспанской культуры.

Для Бергамина не существует двух Испаний — великой Испании прошлого и Испании настоящего. Для него Испания — это испанский народ, жизнь которого является единой и неделимой на протяжении всех столетий его исторического существования.

Эта идея лежит в основе всех его философских книг и опытов, начиная с ранних его статей в передовых молодежных журналах эпохи и его первой книги «Ракета и звезда», за которой последовали «Три сцены под прямым углом», «Бегущий враг» и др., и кончая его замечательным анализом классического испанского театра XVII века, Лопе де-Вега («Плащи и береты»), его очерками о Сервантесе и Кальдероне и сборником афоризмов («Птичья голова»).

Богатство духовной культуры, прекрасное знание своего народа, пламенная любовь к нему и вера в его будущее, прямота и честность мысли привели Бергамина — человека, вышедшего из клерикально-консервативной семьи, католика — на позиции народного фронта. В дни решительной борьбы он оказался на стороне революционной Испании. Этот переход произошел, конечно, не сразу. Переломным моментом можно считать астурийские события 1934 г. Руководя тогда своим издательством «Плюс и минус. Утверждение и отрицание», Бергамин напечатал в одноименном журнале свою статью в защиту астурийских горняков. В период «черного двухлетия» это был смелый шаг, ясно показавший, на чьей стороне находились симпатии автора.

Осенью 1935 г. в том же журнале была напечатана первая в Испании серьезная статья о стахановском движении.

После победы народного фронта, в феврале 1936 г., Бергамин возглавил антифашистское движение среди испанской интеллигенции и был избран председателем образовавшейся в Мадриде «Альянсы».

А потом Бергамин руководил Культурной Хунтой в Париже, подготовлял созыв 2-го Международного конгресса в защиту культуры. 4 июля он выступил на открытии конгресса в Валенсии с большим докладом об испанской цивилизации. Это его голос прозвучал на весь мир из Мадрида. Словами глубочайшего упрека и презрения заклеймил он грязную клевету А. Жида на Советский Союз.

«Сейчас в мире, — сказал Бергамин, — есть два народа, солидаризировавшихся в общей борьбе, — народ русский и испанский. Советские и испанские писатели одинаково глубоко проникнуты чувством человеческой солидарности. Поэтому, когда книга, провозглашающая себя критикой и являющаяся клеветой, нападает на русский народ и, в отдельности, на советских писателей, мы, испанские писатели, с презрением отвергаем эту книгу, как все то, что стремится создать вражду между нами и русским народом, между нами и советскими писателями».

Сейчас Бергамин работает над циклом романов о гражданской войне в Испании. В отличие от «Национальных эпизодов» Гальдоса он хочет назвать свой цикл «Интернациональными эпизодами».

Хосе Бергамин в Москве

Вчера утром в Москву приехали известный испанский писатель Хосе Бергамин, вторично посещающий Советский Союз, и испанский скульптор Виторио Мачо.

Советские писатели В. Ставский, Вс. Вишневский, К. Федин, И. Сельвинский, Л. Никулин, И. Уткин, М. Голодный, А. Барто, Л. Кассиль, Ф. Кельин, А. Аршаруни и др. устроили испанским гостям теплую встречу на вокзале и поднесли им цветы.

Ал. СУРКОВ

Старая песня на новый лад

Отыскался след Тарасов.
Гоголь.

Когда Бухарин, три с четвертью года тому назад, предпринял диверсионный налет на советскую поэзию, он в своем докладе применил все способы двурушнической маскировки, типичные для банды оголтелых, изолгавшихся агентов фашизма.

Под прикрытием надерганных к месту и не к месту цитат из энциклопедических словарей и элементарных «теорий словесности», призванных пустить аудитории в глаза пыль псевдонаучности, были в завуалированной форме вытащены на свет обветшалые «устои» меньшевистско-богдановской концепции искусства. К ним было пристегнуто «древне-индийское учение дхвани», оказавшееся на деле остро современной рецептурой двурушничества и политической подлости, культивировавшейся троцкистско-бухаринскими мерзавцами.

Вокруг этого «теоретического ядра» были возведены картонные «мировые вышки». Жестяными, громыхающими метафорами — «рыкающих львов революции» и «барабанщиков революции» были окружены имена поэтов, которых нельзя было сбросить открытым лобовым ударом. Играя на назревшей в литературной среде потребности отмести с пути советской поэзии все слабое и несовершенное, ослепляя и оглушая аудиторию призывом «дерзать», Бухарин выбраковал в поэзии все то, что носило на себе признаки подлинной, органической связи с революцией, боевыми темами времени. Он противопоставил революционному ядру советской поэзии возглавленному творчеством Маяковского, все наиболее косное, наиболее чуждое природе советской поэзии.

И хотя уже на самом первом с'езде советских писателей двурушнический доклад Бухарина был взят под обстрел рядом ораторов, советская поэзия долго испытывала на себе губительные последствия этого диверсионного акта.

Муть, поднятая Бухариным, дала возможность критической нечисти, вроде проходимца Мирского, контрреволюционной истерички Мустанговой, мелкотравчатого эстетика Тарасенкова и им подобных, больше двух лет невозбранно культивировать худшие навыки декадентства, эстетства и апологии формализма. Все это делалось под флагом борьбы за «подлинную поэзию», против «упрощенчества и вульгаризации», под рубрику которых подводилось все, что отмечено знаком кровной связи с темами, продиктованными действительностью строящегося социализма.

Только этой мутью можно об'яснить такие факты, как неперемежавшиеся славословия по адресу Пастернака. Только из такой мути могла возникнуть суета вокруг постыдно бессодержательной книги Д. Петровского — «В гостях у Лермонтова». Только этим можно, наконец, об'яснить уход ряда поэтов на определенный срок вспять от пути, намеченного ими в предшествующие годы (ряд стихов В. Луговского в книге «Каспийское море», книга «Тень друга» Н. Тихонова и др.).

Слова тов. Сталина о том, что «Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи», сыграли огромную роль в борьбе за ликвидацию последствий бухаринской диверсии. Последующее разоблачение Бухарина, как грязного наймита фашизма и врага народа, окончательно раскрыло глаза на вредительскую сущность его доклада на с'езде писателей.

И не мудрено, что на юбилейном, пушкинском, пленуме правления союза писателей, наконец, с исчерпывающей полнотой была дана **политическая** характеристика бухаринского доклада и тех тенденций в поэзии, которые он хотел сделать ведущими.

Перед лицом неопровержимых фактов явные и скрытые приверженцы бухаринской точки зрения должны были «перестроиться на ходу», начать с поспешностью необычайной «уточняться» и «отмежевываться». Казалось, что с разоблачением «шефа» его подголоски уже не осмелятся поднять голову. Но... «отыскался след Тарасов». Отыскался он в № 5 журнала «Литературный критик» за 1937 г., в громоздкой статье Е. Усиевич «К спорам о политической поэзии».

В статье этой нет пресловутого «учения дхвани». В ней нет видимых признаков воспроизведения «организационной теории» Богданова. Она поносит Пастернака и Сельвинского и возносит Маяковского и Демьяна Бедного. Но смрадный дух повергнутого кумира витает над хитроумно сплетенной вязью речений и домыслов этой статьи.

В ней нет недостатка в заклинаниях «подлинной народностью», «глубокой связью поэзии с жизнью народа», именами великих поэтов прошлого, именем Маяковского и т. д. и т. п. Все это так возвышенно и так «абсолютно правильно», что так и ждешь, что вот вот разбрызнутся фонтаном чернильного энтузиазма призывы к «мировым вышкам» и «дерзаниям».

Однако ни «мировых вышек», ни «дерзаний» нет. Наоборот, анафемы по адресу Бухарина прослаивают в законной пропорции весь текст статьи. Усиевич, видите ли, хочет, к сожалению, с изрядным опозданием окончательно добить врага и навести раз навсегда порядок в советской поэзии. Ее отчаянно беспокоит то, что на пушкинском пленуме будто бы, под флагом борьбы с бухаринщиной, возрождалась вредная рапповская традиция, суть которой заключается в том, что поэзия «собственно политическая» противопоставлялась поэзии «неполитической». Одним росчерком пера дискуссия на пленуме, сыгравшая глубоко положительную политическую роль в разоблачении бухаринщины, дискредитирована отнесением ее к ведомству «вредных теорий РАПП».

Забудем на время, что Усиевич тенденциозно исказила смысл дискуссии, забудем на время, что ссылка на пленум была лишь маскировкой выпада против выступления «Правды» по вопросам поэзии... Посмотрим, каким путем Усиевич хочет «выправить линию».

Терпеливо, но не останавливаясь, пройдем сквозь лабиринт примеров из области истории литературы, долженствующих продемонстрировать сугубую компетентность автора. Оставим на совести Усиевич ею же самой придуманную угрозу превращения Шкулева и Нечаева в родоначальников советской поэзии (это же в свое время делала и Мустангова). Отметим только, что Усиевич и здесь, как и в последующих местах, обнаруживает удивительное невежество. Говоря о Шкулеве и Нечаеве, что «пытаясь развивать свое творчество в исключительно политическом направлении, они отрывали политические формы борьбы от всей совокупности народной жизни», Усиевич тем самым демонстрирует факт полного незнанья стихов критикуемых ею поэтов. Не политической остротой тематики и проблематики, а узостью кругозора, цеховой замкнутостью, эмпиризмом и как раз политической бескрылостью характерны стихи обоих этих поэтов.

Допустим, однако, что критику, действующему в «мировом масштабе», не обязательно утруждать себя чтением каких-то второстепенных поэтов, и можно довольствоваться характеристикой, почерпнутой из первой попавшейся под руку статьи (тут на беду попалась статья Мустанговой). Шагнем через две страницы и вдумаемся в такой абзац:

«Ложная теория деления на две прямо противоположные части, тенденция к отрыву и обособлению газетно-политических стихов отложила и на его (Демьяна Бедного.—**А. С.**) творчество некоторый отпечаток. Мы знаем ряд его произведений, где, стремясь к ложно понятой «актуальности», он чрезвычайно сужает тему, роняя ее и политически и поэтически. Таковы его «Слезай с печки», за последнее время «Богатыри».

Выходит, что и «Слезай с печки», и «Перерва», и «Без пощады», и «Богатыри» есть всего лишь следствие «ложно понятой актуальности» и «деления поэзии на две прямо противоположные части». А как же быть с порочной исторической концепцией, положенной в основу всех этих произведений? Как быть с прямой и резкой оценкой партийной печати, назвавшей эти произведения антибольшевистскими? Ведь все это никак не укладывается в рамки «ложно понятой актуальности».

Указанный нами пример убивает все теоретические построения Усиевич, связанные с т. н. «политическим жанром». Мало убеждает нас и ссылка на то, что-де «политические» поэты сознательно ставившие своей задачей защиту эксплоатации и угнетения человека человеком, ничего значительного в поэзии не создали и создать не могли». Ведь к числу таких поэтов относятся, например, Редиард Киплинг, яростный и убежденный империалист и колонизатор, создавший совершенно чуждые нам по идеологии, но сильные и своеобразные произведения. Как втиснуть Киплинга и других подобного рода поэтов в догматическую схему Усиевич?

Да и не входило в задачу Усиевич заниматься ответом на сложные, творчески плодотворные вопросы. Не для того огород городили. Не для того пыль в глаза пускали историей Франчески да Римини, гвельфами и гибеллинами. Все это нужно было лишь как трамплин для прыжка к безапелляционному выводу о том, что в то время, как «политическая жизнь нашей страны становится богаче и полнее с каждым годом» ...**«политическая поэзия нашей страны явно хиреет по сравнению с первым периодом революции, с периодом расцвета литературной деятельности Маяковского и Демьяна Бедного».** (Подчеркнуто мною. — **А. С.**).

Что-то похожее на сей сакраментальный вывод слышали мы в августе 1934 года. Ведь если мы примем во внимание, что вся статья посвящена положению, что всякая настоящая поэзия есть поэзия политическая, разве не станет ясен смысл вывода — нет у нас поэзии, есть жестокий кризис, что-то когда-то было, а ныне тьма и пустота.

Тщетной попытке доказать этот капитулянтский вредительский тезис посвящено все то, что сказано в статье о современной советской поэзии. Логика суждений такова — кумиры, воздвигнутые Бухариным, повергнуты. Пытаться возрождать их — равнозначно прошибанию лбом стенки. Те, кому Е. Усиевич не очень давно прочила судьбу «поэтов миллионов», оказались заурядными кулацкими выродками бандитского пошиба. Попробуй, подними их вновь на щит. Что же осталось? Остался Маяковский. Попробуй его снять со счетов. Не выйдет. Да и жизненный путь его завершен. Значит можно заклинать его именем без особого опасения, что заклинаемый публично отмежуется от заклинателя. Демьян Бедный. Его из песни не выкинешь. Но можно, идя по проторенной Бухариным дорожке, почтить его память вставаньем, сбросив со счетов живой сегодняшней поэзии. А остальные... И тут начинается: Голодный, Светлов, Жаров, Алтаузен, молодые: Стрельченко, Долматовский, Кедрин и др. — все это, по Усиевич, «живые покойники», у которых в прошлом — или ничего или почти ничего, в сегодняшнем дне — тщетные потуги на «политическую поэзию» и в будущем — тьма забвения. О тех же, кто остался за пределами проскрипционного списка, или сказано косвенными намеками, как о людях, пишущих «политические» стихи между двумя партиями покера, или вообще ничего не сказано, как о людях, недостойных упоминания.

Методология «чистки» поэзии, учиненной Е. Усиевич, не нова. Ее мы опять-таки видали в действии у Бухарина. Вырвать из всего сделанного поэтом самое слабое и безусловно достойное осуждения, тенденциозно процитировать вырванную из контекста строку, сыграть на законном недовольстве читателя общим отставанием литературы и... измазать дегтем, опаскудить все и вся.

Холодное, циническое неверие в силы нынешних кадров советской поэзии, особенно тех, кто пытается в меру масштаба своего таланта писать **советские стихи о советском** времени, открытая враждебность ко всему коллективу советских поэтов — вот источник критического «вдохновения» Усиевич. Что ей до того, что многих из названных и не названных ею поэтов любят и читают миллионы советских людей. Что ей до того, что стихи этих поэтов иногда становятся народными песнями. Что ей наконец до того, что именно в последние годы «нашего полку прибыло», что зазвучали на весь Союз звонкие, молодые, исполненные политической страстью и любовью к родине и ее вождям стихи могучих стариков Сулеймана Стальского и Джамбула и стихи многих оригинальных и сильных поэтов братских народов СССР.

Ведь не желание помочь поэтам на трудном и ответственном этапе роста, не живая заинтересованность в росте и совершенствовании сегодняшних кадров советской поэзии двигали пером горе-критика Усиевич.

И сейчас, резко и прямо выступая против такой «помощи» поэзии, мы исходим не из желания защитить «честь корпоративного мундира», не из боязни резкой и справедливой товарищеской критики. Мы только хотим, чтобы люди, критикующие поэзию, не применяли отсечение головы как форму хирургического вмешательства. И мы хотим, чтобы руки людей, желающих навести чистоту в наших рядах, не были покрыты грязью литературных дрязг.

Усиевич, отправляясь, после двух лет вынужденного молчанья, в набег на советскую поэзию, очевидно для большей авторитетности и для устрашения противника прикрылась, как щитом, именами великих людей: Гейне, Добролюбова, Маяковского. Компания высокая, и главное все эти великие люди по не от них зависящим обстоятельствам лишены возможности отмежеваться от назойливого и непрошенного компаньона.

А у нас есть память, и мы привыкли долгие годы видеть критика Усиевич в другом, менее почтенном обществе.

Впервые мы характерную фигуру этого критика приметили на утлом суденышке идущего ко дну конструктивизма в качестве запоздалого спасителя этого не оправдавшего общественного доверия предприятия.

Потом мы долгое время любовались этой фигурой на некоем «расписном струге» в разухабистой компании «нутряников» и «стихийников» кулацко-шпионского пошиба вроде пресловутого П. Васильева, Б. Корнилова, Л. Лаврова и их присных.

Шуйцей своей вымучивая на бумаге мертвые строки восхвалений Маяковскому, Усиевич десницей бережно гладила пахнущие лампадным маслом и сивушным перегаром кудри кулацких выродков, проча им судьбу «поэтов миллионов».

И сколь пламенны были ее восхваления стихов П. Васильева (среди которых не было ни одного не кулацкого), столь же пресно и вяло было отмежевание Усиевич от этого ублюдка, после разоблачения его нашей общественностью сначала как фашиствующего хулигана, а потом как открытого врага народа.

Вот почему кажется нам, что статья «К спорам о политической поэзии», глубоко враждебная нашей поэзии, капитулянтская, сводящая на-нет все сделанное за двадцать лет, есть не случайная обмолвка, а выражение не сегодня установившейся системы взглядов, проистекающей из неверия в силы советской поэзии, из нелюбви к ней, из желания сознательно дезорганизовать, расстроить ее ряды.

Потребность возвратиться к этой статье тем более насущна, что Усиевич не одинока в своих взглядах на поэзию. Достаточно перелистать комплект журнала «Литературное обозрение», чтобы в этом убедиться. Разговор по поводу статьи Усиевич лишний раз покажет, как под прикрытием высоких слов и великих имен люди делают попытки свести на-нет все созданное поэтами и как так называемый «эстетический критерий» является по сути дела маскировкой очень определенно окрашенной политики.

Надо только не измельчить вопроса, не свести его к мелочам и частностям, а добраться до ядра того явления, какое олицетворено в статье Усиевич, и взорвать это ядро раз и навсегда.

В МЕСТНЫХ ПИСАТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Подготовка к выборам

Участие писательских организаций в подготовке к выборам в Совет Союза и в Совет Национальностей является сейчас самой важнейшей политической работой. По тому, как писательские организации проведут эту работу, советская общественность будет судить о политической активности писателей, об их связи с народом. По полученным правлением ССП сведениям, ряд областных писательских организаций активно участвует в подготовке к выборам.

В **Иванове** работают агитаторами тт. Князев, Бритов, Завьялов, Полторацкий. Тов. Шошин пишет биографический очерк выдвинутого от г. Иванова кандидата в Верховный Совет тов. Сахаровой. Тов. Полторацкий пишет биографию другого выдвинутого здесь кандидата в Верховный Совет — орденоносца тов. Скоробогатова.

В **Смоленске** писатели готовят сборник произведений, посвященных выборам, и пишут биографии выдвинутых кандидатов.

В **Куйбышеве** проведен литературный вечер, посвященный выборам. На темы избирательной кампании проводятся литературные радиопередачи. Писатели печатают свои произведения, посвященные выборам, в местных газетах.

В **Свердловске** писатели работают над биографиями кандидатов и начали писать коллективную книгу «Наша область».

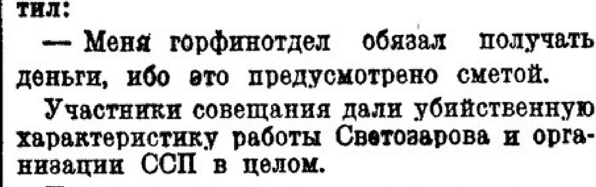
В **Ростове-на-Дону** писатели принимают участие в выездных редакциях, печатают очерки и стихи в местных газетах, пишут биографии кандидатов.

Конечно, это только начало работы.

С каждым днем писательские организации должны активизировать свое участие в предвыборной кампании.

Особенно нужно активизироваться **горьковским** и **саратовским** писателям, писателям ДВК и Западной Сибири. В этих областях и краях работа по подготовке к выборам развертывается чрезвычайно медленно.

Адрес неизвестен

«12 августа я приехал в Челябинск и хотел найти союз писателей. Мои поиски были напрасны: в городе никто такого союза не знает»,— пишет т. Чесноков в Челябгиз.

Такого же содержания письмо получено обкомом партии от одного из учителей района.

Таинственность, которой окутано местопребывание челябинской писательской организации, не случайна, ибо никакой творческой работы Челябинский союз писателей не ведет.

Казалось бы, после того, как были разоблачены злейшие враги народа, пролезшие в писательскую организацию Челябинска, местные писатели должны были все свои силы направить на ликвидацию последствий вредительства и развертывание творческой и политико-воспитательной работы. Но у местной писательской организации обнаружилось отсутствие политической бдительности.

До самого последнего времени у челябинских писателей нехватило мужества поставить вопрос о Викторе Губареве, исключенном из рядов комсомола и снятом с газетной работы за притупление классовой бдительности и связь с врагами народа. Не удосужились они обсудить и поступки Бориса Ручьева, неоднократно обращавшего на себя внимание пьянством и дебошами. Но что уже говорить о проявлении собственной инициативы, если организация долго не находила времени обсудить заявление Сержантова о его выходе из ССП, как давно прекратившего (вернее, не начинавшего) литературную деятельность.

Челябинские писатели проявили возмутительную пассивность, не создав кружков по изучению великой Сталинской Конституции и «Положения о выборах в Верховный Совет». Тем более не приходится говорить о творческом обслуживании ими избирательной кампании. Пишущий эти строки убедился в беседе с уполномоченным ССП Светозаровым, что последний совершенно не знаком с «Положением о выборах». Тот же Светозаров в своей книге о челябинском большевике Цвиллинге допустил грубейшие политические ошибки.

В своем бесцветном отчете о работе союза Светозаров сознался, что ничего за последнее время не делал. Свое безделие Светозаров пытался прикрыть «высшими соображениями», заявляя, что после того, как его раскритиковали в «Литературной газете», он не имел «морального права вести работу».

На вопрос — какое же моральное право он имел получать 600 рублей в месяц, оплачивать квартиру, расходовать командировочные, пользоваться трехмесячным творческим отпуском, жить в доме отдыха за счет ССП, — Светозаров невозмутимо ответил:

— Меня горфинотдел обязал получать деньги, ибо это предусмотрено сметой.

Участники совещания дали убийственную характеристику работы Светозарова и организации ССП в целом.

Путем захваливания и рекламирования дутых талантов искусственно затем формировались кадры «обиженных людей». Вот наиболее яркие факты. Светозаров, например, обнаружил новый талант в 63-летнем В. Довбня, напечатавшем ничтожный рассказец в первом альманахе челябинских писателей. Так как больше его никто не печатал, то в союзе ему внушили, что в этом повинны бюрократы.

Другая жертва такого лживого внушения — 50-летний врач Романников. После того, как он в примитивной форме поделился своими переживаниями на фронте, его об'явили талантливым писателем. Уверившись в этом, Романников ходит по инстанциям, требуя, чтобы его разгрузили от общественно-санитарных обязанностей и напечатали его новую повесть—совершенно сырую и необработанную.

В своем выступлении т. Татьяничева, между прочим, поведала, как обещал свое шефство начинающим приезжавший в Магнитогорск писатель Замойский и что из этого вышло. В своей первой беседе с подшефными Замойский скромно заявил: «Учитесь у меня». А затем стал раздавать кружковцам лестные аттестации: «Татьяничева, — говорил он, — угроза Вере Инбер». «Хабаров—угроза пародисту Архангельскому. Ударов—Маяковскому».

Бурно проходило заседание Челябинского Союза писателей. На этом заседании сняли с работы уполномоченного Светозарова, переведя его из членов союза в кандидаты. Исключили из союза Губарева и Ручьева и Сержантова.

Все это должно послужить уроком для писателей Челябинска. Местная организация обязана оживить работу литературных об'единений на ЧТЗ и в Магнитогорске, выявить литературный актив и начать работу с ним.

В. ХМАРА

Работать с каждым писателем

Подлая работа врагов, орудовавших в Свердловской организации писателей, была направлена к тому, чтобы ликвидировать организацию, превратить ее в рассадник антисоветских сплетен и разговоров, сделать писателей аполитичными, отвлечь их внимание от социалистических успехов на Урале.

Находясь в руководстве организации, враги народа шельмовали способных молодых писателей (статья о т. Савчуке «Некий литкружковец Савчук»), расхваливали и пригревали авторов антисоветских произведений (Троицкий), бюрократически относились к творческой работе писателей, способных авторов из рабочих и колхозников отпугивали от организации.

Организация была основательно засорена. В самое последнее время исключено 20 человек.

Вместо того чтобы любовно выращивать новых молодых авторов, организация нянчилась с бездарными людьми.

Шумиха, парадность, «игра в писатели» уводили организацию в сторону от вопросов учебы, от социалистической действительности. При наличии способных писателей на Урале не появилось ни одного произведения, отражающего гигантские победы социализма.

В деле воспитания молодых враги проводили прямую диверсию. Очень показательна в этом отношении судьба поэтов Ручьева и Троицкого.

Троицкого величали «гением». Его антисоветские выходки прикрывались и одобрялись. Особая любовь у врагов народа появилась к Троицкому тогда, когда он написал контрреволюционные произведения. Его устроили на работу в газету «Уральский рабочий» и поручили написать книгу о «формировании большевистского мировоззрения у рабочих Исетского завода в период 1905 и 1907 гг.» (!).

8 февраля 1937 г. на заседании правления свердловской организации Морозов выступал с резкой критикой работы правления и обвинял правление в укрывательстве троцкистов. Правление, вместо того чтобы разобраться по существу, поставило вопрос «о возможности дальнейшего пребывания Морозова в рядах ССП».

15 марта 1937 г. командированный правлением ССП СССР для расследования сигналов о врагах В. Ильенков проводил собрание свердловских писателей-коммунистов.

Вопросы, поднятые в заявлении Морозовым, на этом собрании не получили настоящего разрешения. Благодушие и отсутствие бдительности не дали возможности писателям-коммунистам разоблачить врагов.

Несколько раньше был в Свердловске тов. Овалов.

Ослепленный «деловыми» качествами проходимцев из руководства ССП, Овалов не только не раскусил их, но даже способствовал укреплению их авторитета.

Перестройка работы свердловской организации дала некоторые положительные результаты. Активизировалась работа альманаха, организация освобождается от случайных людей, писатели больше стали участвовать в жизни организации. Но последствия вредительской деятельности еще окончательно не изжиты.

Обсуждался вопрос о добровольной службе Исетского у белых; организация ни к какому решению не пришла.

Было много разговоров о том, что Бивов попал в союз случайно. Написав четыре стихотворения, он утратил желание работать в литературе, но из союза его не исключали.

Случайно попал в союз и Подсосов. Его творчество никакого отношения к художественной литературе не имеет. Изданные в 1912 году пьесы «Испытание» и «Новые силы» беспомощны в художественном отношении и густо попахивают душком земского либерализма.

В течение ряда лет балластом был в организации Балин. Читатели о нем знают не по произведениям, а по заметкам в «Правде» о его пьянстве и хулиганстве. Сейчас он написал «роман». Этот роман свидетельствует лишний раз о политической и литературной неграмотности автора.

Работа же со способными начинающими писателями в загоне. Если кое-что делается в отношении помощи начинающим писателям, живущим в Свердловске, то по районам работы не ведется. Свердловские писатели не могут сказать, с кем из начинающих каждый из них переписывается, где есть интересные люди. Консультация получает десятки писем, но ответы даются в большинстве случаев недобросовестные.

Политическое воспитание, овладение большевизмом для писателей является первоочередной задачей. К сожалению, в свердловской организации к этому относятся все еще беззаботно.

Организация в своей основе здоровая и творчески сильная. Вопреки желаниям врагов, старавшихся затормозить творческую жизнь, писатели дали неплохие произведения.

Бондин напечатал II часть книги «Моя школа», Савчук — книгу «Так начиналась жизнь», Панов — роман «Урман». Вышла книга стихов Н. Куштума «Лесная родина», издано три альманаха стихов и прозы.

Буквально за последнее время творчески вырос способный поэт Мураиди. Его стихи во второй и третьей книгах альманаха подкупают глубиной содержания и свежестью поэтического языка.

Качество новых произведений во многом будет зависеть от помощи свердловским писателям со стороны наших квалифицированных писателей и критиков. До сих пор такой помощи оказывалось мало, и не только свердловским писателям, а вообще писателям, живущим на периферии. Критики почему-то гнушаются произведениями писателей, живущих в краях и областях. Посмотрите толстые журналы, и вы очень мало найдете статей и рецензий на их произведения.

Свердловские писатели должны работать с удесятеренной энергией. Им надо немедленно взяться за налаживание политико-воспитательной работы, за организацию глубокой политической учебы.

Писатели должны активно участвовать в политической жизни страны. Главное сейчас — работа по подготовке к выборам в Верховный Совет.

Наконец, настало время всесторонне ознакомиться с творческой работой каждого члена организации. Как это ни странно, а свердловские писатели плохо знают друг друга и особенно с творческой стороны. Например, тов. Бондин написал ряд хороших книг. Его знают широкие читательские массы, а вот писатели не знают, как он работает.

Если организация положительный опыт каждого писателя сделает достоянием всего коллектива, то это принесет огромную пользу и поможет устранить разобщенность между писателями.

А. ЖУЧКОВ

«Колхозники читают доклад товарища Сталина о проекте новой Конституции» — картина художника Ф. Малаева для юбилейной выставки «Индустрия социализма».

НАРОДНЫЕ ПРЕДАНИЯ О СТЕПАНЕ РАЗИНЕ

...Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Над горой взойди, над высокою,
Над дубравушкой, над зеленою,
Над урочищем добра-молодца,
Что Степана-свет-Тимофеича,
По прозванию Стеньки Разина!..

(Из старинной народной песни).

Образ Степана Тимофеевича Разина, вождя крестьянского революционного движения середины XVII века, живет в многочисленных сказках, песнях и преданиях.

Созданные крепостным крестьянством, бедным казачеством и батраками, посвященные описанию различных подвигов и эпизодов из жизни Разина, они существуют вплоть до наших дней.

Почему же разинский фольклор, созданный 270 лет назад и находившийся под спудом не один десяток лет, сохранился в народных массах?

Причина этого кроется в социальных мотивах произведений этого цикла. В них выражена тяга трудовых масс к свободе, мечта об освобождении от кабалы помещиков и воевод, ненависть угнетенных к классу эксплоататоров.

В истории классовой борьбы в России имя Степана Тимофеевича занимает одно из первых мест. Возглавив восстание казачьей бедноты и беглых крестьян против царского и помещичьего гнета, Разин, сам казак, выступил активно на защиту подневольных трудовых масс. Царское правительство и его приспешники повели ожесточенную борьбу против Разина и его войск, клеймя восставших названиями «воров», «душегубцев», «разбойников» и дав самому Степану презрительную кличку «Стеньки».

Но ни разгром крестьянского движения царскими войсками, ни зверская казнь Степана Тимофеевича по указу царя не могли сломить все более и более возраставший авторитет героя: напротив, открытые выступления его на защиту эксплоатируемых масс создали ему в народе славу, почет и уважение.

Сказки, песни и предания Оренбургской области, передаваемые «по наследству» из рода в род, любовно и бережно хранят память о Разине. Для казаков того времени не было большей похвалы, чем похвала самого Степана Тимофеевича, высоко ценившего «удаль молодецкую, отвагу казацкую, верный глаз добра-молодца». Многие из них не переставали верить преданиям, рассказывающим о чудесном спасении Разина от казни и о жизни его в далеких, неведомых никому странах.

Это желание сохранить в своей памяти образ Степана Тимофеевича живым и невредимым, недоступным злым проискам царских слуг, послужило толчком к созданию самых различных сказок, песен и преданий о нем.

Отрывки одной сказки, записанной мною зимой этого года от сакмарского колхозника Александра Ивановича Комиссарова,[1] я привожу ниже.

«Один уральский казак поехал на охоту, на Ельмень-озеро большое и заплыл очень далеко. Глянул на запад и увидал золотую маковку. «Что это за золотая маковка, — сам себе обсуждает казак, — ведь на этом месте жизни нет людей?». Долго стоял и думал он, как ему быть: плыть ему домой или узнать, что это за золотая маковка. И решил он свою судьбу испытать, на лодке поплыть.

Подплывает он к этому месту, и так далеко ему показалось. Застигла его ночь. Пришлось заночевать, даже позябнуть в легкой одеже пришлось. Плывет день, плывет два. И как с воды был туман, пришлось ему ожидать. И вот туман прошел, и видит казак дворец перед собою, а на том дворце крыша из чистого золота так и блестит. Дворец этот был самого Степана Тимофеевича.

Самого Степана не было при месте, была его супруга. Слуги захотели истребить казака. Казак поговорил с супругой Разина, и она не позволила его пальцем тронуть. Пока хозяина не было, она казака чайком напоила, водочкой попоила. И приезжает тут значит сам хозяин...

Слезает Степан Разин с коня, подходит к казаку, здравствуется с ним, подает ему руку: «Ну, как вы осмелились к нам в такую даль прибыть?». Казак все по порядку отвечает. Степан Разин выслушал казака и сказал: «Молодец, решаешь свою судьбу. Какие же вы охотники?» Казак отвечает: «Охотники мы на все: и на птицу, и на зверя». Тогда Степан и говорит: «Вот у нас есть охотники стрелки. Если вы не сможете супротив их выстоять, то я вас домой не пущу. Это я вам даю задание...» Казак отвечает: «Что могу, то выполню».

Вызывает тут Степан своих охотников и стали слуги, все трое, в предмет стрелять. Не столько стреляют, сколько мимо попадают: первый стрелял — не попал, второй стрелял — не попал, третий в копейку, в самый край попал. Начинает тогда казак в этот предмет стрелять и попал с первого раза в копейку, в самую середку.

Заинтересовала Степана Разина такая меткость и спрашивает казака: «Где вы обучались?» Казак отвечает: «Обучен я своей охотой, своей практикой». До трех раз Степан заставлял своих слуг стрелять, и стрелки его не могли в предмет попасть. А казак попал все три раза вподряд. Тогда Степан потрепал его по плечу, пригласил к себе на стакан чая, напоил его водкой за храбрость и меткость и решил его судьбу — отпустить домой. И сказал он на прощанье: «А меня вы больше не увидите: буду я далече и в эти края больше не ворочусь».

К разинскому циклу принадлежат также песни о «сыне» Разина — удалом молодце, под именем которого, как предполагают, воспевались близкие Разину лица, славящиеся своей отвагой и храбростью.

Они платились пытками и мучениями за свои рискованные вылазки в города, занятые царскими войсками.

Один из вариантов подобной песни, записанной от того же Александра Ивановича Комиссарова, изображает допрос такого «сынка», схваченного и приведенного на суд.

За столом сидит сам вельможный князь...
Перед ним стоит млад донской казак,
Эх, млад донской казак, раздушаточка.
Его бить-то не бьют,
Крепко спрашивают:
«Ты скажи, да скажи, ты каких родов,
Али царских, аль боярских?»
— «Я не царских, не дворянских,
А я Стеньки Разина сын,
Эх, свет-Степан-Тимофеевича...»

Как и всякий художественно-исторический фольклор, песни и сказки подобного рода имеют большое значение.

Благодаря им раскрываются страницы далекого прошлого и из исторической дали веков выступает во весь рост фигура героя народных масс Степана Тимофеевича Разина.

Н. КОМОВСКАЯ

[1] Колхоз им. Кирова Сакмарского района, Оренбургской области.

Две новые книги М. М. Пришвина

Беседа с писателем

На далеком севере живет семья сказителя былин. Сказитель знает множество захватывающих историй о густом и непроходимом лесе, о бурных водах, о диких камнях, о больших и маленьких обитателях северной природы. Он рассказывает о них своему семилетнему мальчику.

Но нарушается мерное течение жизни далекого края. Первобытную северную природу решил переделать человек.

У строителя—план: остановить падун. Построить плотину, преградить путь водопаду.

Против строителя обращены все силы стихии. Вода, лес, ветер борются с ним. Даже местный человек — рыбак и охотник, вросший корнями в прошлую жизнь, противодействует ему.

Приходит весна — решительный момент борьбы строителя с природой. Побеждает строитель. Меняет свое лицо природа.

Небольшое озеро наполняется водой, увеличивается в три раза. Под водой исчезают прежние острова, возникают новые. Рыбы ищут и не находят старых мест в водоеме. Звери подходят к берегам и не узнают их.

Стихия смирилась. Плотина установлена—построен Беломорско-Балтийский канал.

Об этом рассказывает в своем новом произведении М. М. Пришвин.

— Это будет роман?

— Вероятно это будет роман, — говорит писатель. — А может быть, я назову его поэмой: в этой вещи будет много от сказки, а героем ее будет семилетний мальчик. Природа, люди и их дела будут показаны глазами ребенка. Это—давняя моя мысль.

В самом первом моем рассказе я сделал героем ребенка. Но рассказа никто не захотел напечатать. Девриен, старый книгоиздатель, заставил меня заменить ребенка взрослым, чтобы книжка не была специально детской. Позднее я вторично, но снова безуспешно, пробовал осуществить эту мысль. Стремлюсь к этому и сейчас.

Показать северную стихию, борьбу человека с ней через восприятие ребенка—вот моя задача. Это должно помочь мне раскрыть с максимальной простотой и ясностью сложные социальные проблемы.

Роман начат осенью. Написаны шесть глав, но до конца еще далеко.

— Вещь разрастается,—продолжает писатель,—и я не хочу себя ограничивать временем или числом страниц, боюсь искусственно ускорить процесс созревания. Я думаю, что это будет лучшая моя книга, главная в моем творчестве. Я хочу создать настоящую советскую книгу. Такую, в которой идеи и мысли невидимо вплетены в ткань произведения.

«Колобок», изданный 32 года назад, «В стране непуганых птиц» и многие рассказы Пришвина посвящены северу. Материалы, накопленные для этих произведений, пригодились и для новой его книги о Беломорском канале. Но их оказалось недостаточно.

700 километров, проделанных писателем на лодке по Пинеге до Мезени и по Двине, десятки верст по тропам первобытных лесов дали ему новые впечатления и наблюдения.

В марте писатель поселился в лесу около Переяславля Залесского. Жил там вдвоем с сыном и изучал природу: какая фауна живет в корнях деревьев, какая—в дуплах, какая—в верхних частях, в ветвях леса.

В результате поисков нового материала — две высоких стопки блокнотов с листками, усыпанными лиловым бисером чернильных букв. Это не черновые заготовки, это—короткие, уже вполне законченные новеллы, маленькие художественные рассказы. Но они еще не имеют самостоятельной жизни. Они заживут в новой книге М. Пришвина.

*

У индейцев есть бытовая традиция: если зверолов убивает старых бобров, он должен воспитать осиротевших детенышей.

Жил в глухих канадских лесах индеец-охотник Серая Сова. Верный традиции, он вместе с женой воспитал двух детенышей убитых им бобров. Охотник привязался к ним, научился до тонкости понимать животных, ставших всем содержанием его жизни. По радио, проведенному в его жилище, индеец научился английскому языку и написал о своих бобрах книгу, принесшую ему быструю и громкую славу.

Сейчас Серая Сова—директор Канадского Национального Парка.

О жизни этого человека, о воспитанных им животных расскажет советским читателям М. Пришвин — в книге, которую он закончит в 1938 году.

Е. ПЕЛЬСОН

Н. Погодин о своей пьесе «Человек с ружьем»

НА ВСТРЕЧЕ ДРАМАТУРГА С МОЛОДЫМИ АВТОРАМИ

Год назад советским драматургам была задана почетнейшая, но и труднейшая задача: отразить в юбилейных пьесах тему прихода к власти пролетариата, впервые показать со сцены образ гениального вождя революции—В. И. Ленина.

Задание выполнено.

В дни великого праздника 20-летия Октябрьской социалистической революции в театрах столицы и других городов состоялись премьеры юбилейных пьес.

Одним из наиболее значительных спектаклей явилась постановка пьесы Н. Погодина «Человек с ружьем» в театре имени Вахтангова.

Правление союза советских писателей совместно с редакцией журнала **«Литературная учеба»** организовало 16 ноября, в Доме советского писателя, выступление Н. Погодина. Драматург рассказал о работе над пьесой, раскрыл перед аудиторией молодых писателей «тайники» своей творческой лаборатории.

*

Автор долго и кропотливо собирал материалы для своей пьесы о Ленине. Серьезно, вдумчиво и углубленно работал он. Работал не один, а вместе с театром, с художником, постановщиком, исполнителем роли Ленина— народным артистом Союза ССР Б. В. Щукиным. Долго работал Погодин вместе со всем коллективом над пьесой, добиваясь, чтобы она получила исторически правильное звучание.

— Как мы создавали образ вождя?—начинает Н. Погодин и тут же поправляет себя.—Впрочем, неуместна самая формулировка: «создавали образ Ленина». Авторство тогда только принадлежит автору, когда он из множества черт отдельных людей создает одно лицо, создает образ. Образ Ленина нельзя так создавать. Образ Ленина неповторим, создан самим Лениным. Он жив и будет жить в веках.

— Я прочел горы материалов, — говорит Н. Погодин.—В воспоминаниях ближайших соратников и друзей Ленин всегда рисуется добрейшим человеком, чутким, отзывчивым, у иных—всепрощающим. Но разве только таков он? История знает другого Ленина, который живет в документах музея его имени. Это человек железной воли, суровой непреклонности, непримиримости, человек, полный огромной ненависти к врагам революции.

Все эти черты необходимы в характере вождя, решающего громадные исторические проблемы, открывающего величайшие перспективы. Всеми этими качествами обладал Ленин.

Николай Погодин.

— Образ величайшего мыслителя и революционера, вождя и учителя предстал передо мной во всей его исключительной сложности, противоречивости, во всем потрясающем величии. Я еще раз почувствовал свое бессилие передать образ гения. Вспомнились слова Сталина о том, что Ленин—это океан.

...Груды книг, а рядом—одна, маленькая —«Сталин о Ленине». И правда—только в ней! Только гений может говорить о гении, только Сталину дано раскрыть, об'яснить нам значение и сущность ленинского учения, его заветов. Гениальный Сталин подсказал верное решение, помог понять существо образа Ленина.

И вот пришла творческая ясность, явилось спокойствие, началась работа.

*

Н. Погодин взял тему простую, понятную всем: союз рабочих и крестьян, об'единенных мудрым руководством партии.

Крестьянин—солдат Иван Шадрин, «человек с ружьем»—главный герой событий. Любовно и бережно выношенный автором, этот образ чрезвычайно удался ему.

— Я представлял себе, — рассказывает Н. Ф. Погодин,—весь путь моего героя, путь темного солдата, силою революции поднятого из низов на командные высоты. Я загорелся этой мыслью, и раньше всего написал сцену встречи Ивана Шадрина с Лениным в Смольном.

Эта центральная сцена стала осью, ядром пьесы. Начало и конец написаны после. Сцена осталась без изменений. Вот что значит почувствовать и использовать момент наивысшего творческого напряжения.

Вдохновение! Не будем бояться этого слова. Его любил Пушкин и отлично об'яснил. В этом слове нет мистики, оно означает хорошее творческое состояние продумывания.

— Еще так недавно мне было страшно даже подумать, какие слова я вложу в уста Ленина.

И этими словами оказались самые простые:

«Соскучились по чаю?»

В пьесе Ленин не говорит цитатами из его произведений. Язык вождя создан творчески.

«Профессионально» читая статьи и речи Ленина, стараясь за буквами ленинских слов уловить живой драматический образ, впитывая отдельные характерные выражения, словечки, восклицания Владимира Ильича, автор старался воспроизвести яркую, своеобразную манеру речи Ленина. Поэтому язык Ленина и получился живым.

С большим трудом далась автору сцена, где Ленин показан капитаном революции, стоящим у руля государства.

Было написано 13 вариантов сцены, полтора месяца заняла работа над одним этим эпизодом.

Ленин показан «на ходу». Этот сценический прием рассчитан на то, чтобы зритель понял: вот как умел руководить, наставлять, учить этот человек.

А как он работал на полную мощность, что он сделал для революции, для всего трудящегося человечества—об этом знает история и мы—счастливейшие наследники его трудов.

В последней сцене показан Ленин-трибун, показан, как живой памятник, запечатленный в искусстве и в сердцах миллионов.

Здесь речь вождя, обращенная к рабочим и крестьянам, идущим защищать революционный Петроград, смонтирована из кусков подлинных статей Ленина. Вставлен сюда и знаменитый эпизод о человеке с ружьем, главном помощнике и защитнике своего народа, страны.

Ленин в пьесе Н. Погодина показан всего в трех сценах. Но Ленин наполняет все события, развертывающиеся в пьесе.

Положено начало работе над великой темой. Скоро наступит время, когда история великой жизни и работы Ленина будет в искусстве отражена во всей полноте.

К этому зовет сама жизнь, а силы для этого дела огромной важности и значения копит наша молодая советская драматургия.

*

Н. Погодин в своей беседе с молодыми авторами об'яснял и особые законы театра.

Сцена требует от автора острой, блестящей, приподнятой речи. Поэтому надо «писать вслух»,—слушать, как звучит фраза, как она развертывается. Яркий, живой язык персонажа—всегда результат продуманности образа. Таким живым и сочным, индивидуализированным языком говорит в пьесе Погодина «Человек с ружьем» солдат-крестьянин Шадрин. Язык рабочего Чибисова бледен, невыразителен. Драматург честно признался, что образ рабочего ему не удался, вышел схематичным. Это явилось гибельным следствием спешки.

Колоссальная работа артистов над ролями —и прежде всего работа Б. В. Щукина — должна служить для авторов примером того, как надо отделывать, шлифовать характеристики героев.

Говоря о силе сценических эффектов, об умении ими пользоваться, о необходимости придумывать сложные сценические ситуации, Н. Ф. Погодин подчеркнул, что чудесный цветок театральности должен вырастать из глубоко-жизненной почвы. Автор должен оставаться верным действительности, но и не копировать ее рабски.

Н. Погодин призывал молодых литераторов на поиски новых, социалистических сюжетов.

Очень многие понятия сейчас изменились, обновились или переместились. Новые формы жизни требуют и нового сценического выражения. Знание законов театра, глубокое изучение драматургии прошлого—все это необходимо именно для того, чтобы смело итти вперед, искать и создавать новые художественные образы людей нашей великой эпохи.

*

Выступление Н. Ф. Погодина собрание расценило как начало осуществления живой творческой связи между мастерами и начинающими писателями. Собравшиеся тепло благодарили драматурга.

А. ОСИПОВА

Трибуна читателя

Литературная канцелярия

«Литературная газета» уже приводила факты, характеризующие безобразную работу наших литконсультаций. Стиль работы этих консультаций настолько некультурен, что ныне это составляет уже печальное исключение в практике наших организаций.

Яркий в этом отношении документ представляет печатаемое ниже письмо одного из хозяйственных руководителей предприятий нашей тяжелой промышленности, столкнувшегося с работой литконсультации журнала «Молодая гвардия».

*

«Я хочу поставить вопрос о работе литконсультации «Молодая гвардия». На нефтяном промысле я имею дело с неживым веществом—нефтью, но каждая бурящаяся скважина имеет определенный номер и определенных людей, обслуживающих эту скважину. Я знаком с работой научных издательств. Там каждый научный труд получает определенного рецензента, с которым автор может связаться, поговорить. Каждая рецензия на удовлетворительный или неудовлетворительный научный труд подписывается полной фамилией рецензента, и редакция и автор всегда знают, кто за какую рецензию отвечает и кто как эту рецензию написал.

Наконец, в любом учреждении исходящая бумажка подписывается делопроизводителем, и на ней ставится исходящий номер, причем это обставляется так, что автора бумажки всегда можно найти.

Иначе дело поставлено в литконсультации журнала «Молодая гвардия». На полученном ответе я не нашел не только полной фамилии отвечающего, не только подписи, но и номера и даты ответа. Причем отвечающий товарищ, давая в общем благоприятный отзыв о посланном мною произведении, рекомендует его несколько переработать и вновь прислать в редакцию, а письмо заканчивает так: «Желаем вам успеха. О возникающих в процессе работы вопросах — пишите. С тов. приветом—литконсультация журнала «Молодая гвардия».

Что это за обезличенная, даже без подписи, литконсультация?

Писал-то мне живой человек, и если у меня возникнут какие-либо вопросы, я захочу о них написать тому же живому человеку (который, кстати, по-моему, вполне правильно раскритиковал мою рукопись). Не буду же я писать о своих вопросах в эту обезличенную литературную канцелярию, которая даже на настоящую канцелярию не похожа, так как не имеет привычки подписываться и ставить номер и дату. Отсюда я делаю вывод, что работа литконсультации журнала поставлена бюрократически.

Я не знаю, писал ли мне литературный работник, «поседевший» на литературной работе, или молодой товарищ, только пришедший из вуза. Дело не в этом, а дело в том, что такая **живая** работа, как работа с **живыми** начинающими авторами, требует и **живого** участия и **живой** связи. Сколько говорилось и писалось о вреде обезлички! А тут — налицо самая что ни на есть грубая обезличка! да не по-отношению к механизму, а к живому человеку, жаждущему живого слова от живого человека.

С товарищеским приветом **Гонта**».

Развалили журнал

Около двух лет назад литературно-художественный, общественно-политический журнал Калининской области «В наши дни» удачно дебютировал двумя первыми номерами. Положительные отзывы о новом журнале дали «Правда» и «Литературная газета». Журнал имел все возможности роста и мог завоевать авторитет у читателей области. В журнале публиковался ценный материал. В нем было отражено стахановское движение льноводов области, рост ее городов и районов. Оформление калининского журнала стояло выше столичных журналов.

Но следующий, уже сдвоенный, 3—4 номер вышел только через полгода.

Совсем некстати журнал изолировали от редакции газеты «Пролетарская правда». Был назначен новый редактор т. Носовский. Он принимал участие в выпуске 3—4 номера и начал готовить 5-й номер, но не пытался привлечь писательские кадры области, не сумел организовать материал.

Сотрудники журнала Попов и Левитина месяцами носили в портфелях стихи и рассказы. Начинающим авторам почти ничего не отвечали. В марте этого года Носовский был переведен на другую работу. Журнал снова стал «беспризорным». Редактором был назначен по совместительству председатель областного радиокомитета Райцес. Он занялся было следующим номером, но по сути дела остановил выпуск журнала, и его сняли.

Была назначена новая Редколлегия, но и она ничего не сделала. Журнал растерял всех подписчиков. Половина тиража пятого номера и до сего времени лежит на складах издательства. Понесены большие убытки.

Придя к таким печальным итогам, областные организации решили закрыть журнал.

Напрасно.

Журнал может жить и должен жить.

А. КУВШИНОВ.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ПУШКИНЕ

Академией наук СССР выпущен III том «Временника», посвященный жизни и творчеству А. С. Пушкина.

Том открывается ранее неизвестными текстами великого поэта. Среди них особый интерес представляет черновой автограф «Памятника» и предисловие к «Истории Пугачева».

Впервые публикуются записи Пушкина, относящиеся ко времени издания им «Современника», и критическая заметка о литературном языке.

Во втором разделе этого тома печатаются статьи и исследования о жизни и творчестве поэта: «Пушкин — создатель литературного языка»—акад. А. С. Орлова, «Пушкин — родоначальник новой русской литературы» — проф. В. А. Десницкого; «Пушкин и мировая литература» — проф. В. М. Жирмунского; «Пушкин на западе» — М. П. Алексеева: «Пушкин и фольклор» — проф. М. К. Азадовского; «Об очередных задачах пушкиноведения» — Б. С. Мейлаха и др.

В этот же раздел включена глава о Пушкине из черновой рукописи М. Горького.

Интересны также заметки В. А. Жуковского о гибели Пушкина, новые данные о библиотеке поэта, текст бюллетеней, вывешенных у квартиры Пушкина после дуэли, а также новые материалы о «Путешествии в Арзрум», «Графе Нулине» и др.

В СОЮЗЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

НА СОБРАНИИ ПРОЗАИКОВ

Как это ни странно, самая многочисленная в ССП группа писателей—прозаики до сих пор не были об'единены, на подобие работников других жанров, в самостоятельную секцию. Неоднократные решения секретариата ССП по этому поводу оставались нереализованными вследствие вялости и неповоротливости тех писателей (Панферов, Фадеев и др.), которым это дело было поручено.

16 ноября организация секции прозаиков и выборы бюро наконец состоялись. О своевременности этого шага свидетельствует тот факт, что на организационном собрании присутствовало много писателей, и среди них почти все виднейшие представители советской прозы. Правда, нельзя сказать, что собравшиеся проявили большую активность в обсуждении вопросов, стоящих перед новой секцией. Сказалась, очевидно, непривычка говорить о своих специфических нуждах, о своих делах. Сказалось и отсутствие общественной подготовки к столь серьезному собранию. Надо полагать, что по мере развертывания работы секции будет повышаться и активность ее членов, будет внесена и большая определенность в обсуждение насущных вопросов литературы.

Но одно ясно и сейчас—и об этом говорили в своих выступлениях тт. В. Ставский, Д. Бергельсон, А. Макаренко, Е. Зозуля, Л. Никулин, К. Федин, В. Герасимова, М. Колосов и др., — что работы непочатый край.

Секция сыграет большую роль в сплочении писателей. Организационная сплоченность облегчит борьбу за идейное единство советских литературных рядов, за освобождение их от всего чуждого, враждебного, наносного, поможет творческому росту каждого писателя в отдельности. Нужно создать такую обстановку,—заявляют тт. К. Федин и А. Макаренко,—чтобы писатель мог получить необходимую поддержку еще в процессе его работы над вещью, чтобы не повторялись примеры прошлого, когда обсуждение того или иного произведения состоялось уже после выхода его из печати, т. е. тогда, когда по существу уже нет возможности устранить его недостатки, реализовать конкретные указания, как бы хороши они ни были.

Будущее бюро должно держать крепкую связь с каждым членом секции в отдельности, знакомиться с его творческими планами, изыскивать меры помощи ему, а не ограничиваться общими словами и парадными выступлениями. Тогда писатели будут знать, что бюро—это реальная опора, а не только представительствующая организация. Об этом говорил т. Зозуля.

Правильные соображения высказала т. В. Герасимова. По ее мнению, секция должна будет явиться своего рода арбитром споров между писателями и критикой, она должна будет бороться за принципиальную, честную критику, смело разоблачая тех, кто до сих пор продолжает руководиться групповыми интересами. В то же время секция должна осуществлять и своего рода профилактическую работу, т. е. научиться вовремя уничтожать вредные явления в их зародыше, не давая им развиться до степени серьезной угрозы. Этого можно будет добиться, если в секции будет создана действительно творческая, товарищеская атмосфера, если в основе всех отношений будет лежать большая принципиальность.

Собрание постановило ввести в состав бюро 9 человек. Тайным голосованием пока выбраны 5 человек: тт. К. Федин, В. Вересаев, А. Макаренко, И. Касаткин и А. Новиков-Прибой. Остальные 4 члена бюро будут доизбраны в ближайшие дни.

Л. Г.

РАБОТЫ МНОГО

16 ноября союзом советских писателей организована секция прозаиков. Намечено бюро из девяти человек. Выбрано пять. Предстоит доизбрать четырех. По этому поводу считаю необходимым поделиться следующими соображениями. Совершенно непонятна со стороны отдельных товарищей поспешность, с какой проводились организация секции и выборы бюро. Была попытка вовсе не обсуждать задачи, стоящие перед новой, самой многочисленной в союзе секцией. Вопрос — обсуждать или не обсуждать задачи секции, — пришлось решать... голосованием. Развернувшееся в результате этого голосования обсуждение было все же явно недостаточным.

Советский роман, современный и исторический, советская повесть, советская новелла приобрели мировое значение. Успехи советской прозы несомненны. Но так же несомненно и отставание на отдельных участках советской прозы и—отставание серьезное. Неужели же нет нужды в обсуждении огромных задач, связанных с ростом советской литературы и одного из ее основных отрядов?

Непонятная спешка ввела ненужную сумятицу и обезличку в выборах бюро. В кандидаты было выдвинуто... 27 фамилий. Естественно, что голоса разбились. Чем руководствовались товарищи, называя то или иное имя, — неизвестно, ибо обсуждения кандидатур не было. (В то время, как перед выборами бюро секции поэтов каждая кандидатура тщательно обсуждалась).

Правда, среди названных кандидатов в члены бюро—почтеннейшие имена. Но ведь эти действительно очень уважаемые товарищи состоят и в правлении союза и в президиуме. Разве кто-нибудь освободил их, как членов правления и президиума, от забот о судьбах и советской прозы, и поэзии, и драматургии? Зачем же им еще особо состоять в бюро секции прозаиков? Не целесообразнее ли в это рабочее бюро привлечь новых активистов союза? Ведь секция прозаиков не будет работать иначе, как под руководством правления.

Даже из отрывочного и скупого обсуждения деятельности секции прозаиков и его будущего бюро стало ясно, что работы будет много—серьезной и разнообразной.

Секция прозаиков должна организовать рабочую лабораторию по созданию новой советской прозы. Советский прозаик (как и поэт) пишет новые книги. Пишет с огромным и радостным напряжением. Этим книгам надо помочь осуществиться. Сейчас нельзя творить в четырех стенах. Товарищеское внимание и коллективная помощь нужны и самым талантливым и самым сильным. Это внимание должно быть обеспечено не на словах, а на деле. Дело не только в «творческих» вечерах. «Вечера» — вечерами, не в них дело, советский писатель, творящий новые, невиданные в литературе образцы, нуждается в настоящем товарищеском внимании, которого не всегда хватает на «творческих вечерах», да и не может хватать.

Бюро секции прозаиков должно создать новые виды общения писателя с писателем, писателя с критиком, писателя с читателем. Надо на выборах бюро тщательно обсудить каждую кандидатуру. Надо создать обстановку, при которой возросло бы количество новых, значительных произведений. Наша прекрасная страна создала для этого решительно все условия. Советская литературная общественность дает для этого все возможности. Правление союза писателей, по чьей инициативе организована секция, может только приветствовать возможно более тщательную организацию секции.

ЕФИМ ЗОЗУЛЯ

Недопустимая инертность

Находящийся в Москве грузинский драматург Герцль Баазов, автор известной в Грузии пьесы «Ицка Рижинашвили», идущей в театре им. Марджанова, принял участие в заседании бюро драмсекции ССП СССР, состоявшемся 16 ноября.

Г. Баазов поставил перед московскими драматургами вопрос о переводе грузинских пьес на русский язык.

Свыше десятка апробированных пьес пользуются у широкой грузинской публики успехом.

Новая пьеса И. Вакели «Зависть», «Поколение героев» С. Клдиашвили (Театр им. Руставели), новая пьеса Г. Баазова «Черное море» и идущая в театрах им. Марджанова и им. Руставели юбилейная пьеса Шалвы Дадиани «От искры», посвященная началу революционного движения в Батуми,—вот пьесы, которые наряду с другими ждут своего перевода на русский язык.

При старом руководстве драмсекции вредительски замалчивалась драматургия народов СССР.

Этот вопрос не сдвинут с мертвой точки до сих пор.

Достойно негодования отношение к грузинским драматургам и со стороны репертуарного сектора ВКИ. **Больше полугода** продержал пьесу Баазова сектор ВКИ и, наконец, обратился к автору, живущему в Тбилиси, с просьбой... рекомендовать переводчика для его пьесы.

Бюро секции драматургов ССП СССР поручило трем членам секции ознакомиться с лучшими образцами грузинской драматургии и организовать их перевод на русский язык.

Тираж книг А. Н. Толстого

Романы, повести и пьесы А. Н. Толстого пользуются огромной любовью читательских масс Советского Союза.

Общий тираж произведений Алексея Толстого в советских издательствах значительно превышает **3 миллиона** экз. Роман «Петр I» издан тиражом в **1½ миллиона** экземпляров.

За последние четыре года Гослитиздат выпустил восемь томов полного собрания сочинений Алексея Толстого и отдельные книги избранных рассказов. Общий тираж — **492.000** экземпляров.

Но и эти огромные тиражи не могут удовлетворить растущий спрос советских читателей на произведения А. Толстого.

Уже сейчас читатели подали заявки свыше чем на один миллион экземпляров нового романа «Хлеб».

«Мосфильм» выпускает на экран новую картину—«Как избиратель будет голосовать». На снимке: кадр из фильма—**«Проверили списки избирателей»** (артисты Пельтцер и Зойферд).

«Родина счастливых»

Под таким названием Гослитиздат выпускает «молнией» сборник стихов и песен, посвященных выборам в Верховный Совет Союза ССР.

Первая часть сборника посвящена первому кандидату в Верховный Совет, любимому вождю народов товарищу Сталину.

Здесь—произведения народных певцов Казахстана: Утепа и Аренбая, стихи Д. Бедного, Янки Купалы, М. Светлова, В. Казина, В. Луговского, С. Кирсанова, И. Уткина, А. Жарова и др.

Второй раздел об'единяет стихи, посвященные 12 декабря—дню выборов в Верховный Совет. Сюда вошли произведения Н. Асеева, М. Исаковского, П. Маркиша, С. Михалкова, С. Васильева и др.

В третьем разделе—стихи о нашей социалистической родине, ее лучших людях, счастливой и зажиточной жизни советского народа. В этот раздел вошли произведения Якуба Коласа, С. Острового, Дж. Алтаузена, П. Панченко и др.

25 ноября страна должна получить весь тираж сборника—50.000 экземпляров.

«Поединок» А. И. Куприна на экране

В 1905 году А. И. Куприн написал одно из своих крупнейших произведений—«Поединок», увенчавший ряд мелких рассказов автора на военную тему.

Содержание повести «Поединок» относится к 90-м гг. прошлого столетия. Это произведение А. И. Куприна в то время было смелой агитационной вылазкой против традиций царской армии: дуэлей, кулачных расправ с подчиненными, «чести мундира» и «воинского долга».

В «Поединке» А. И. Куприн с искусством художника-реалиста описал царскую армию. Он ее хорошо знал лично, попав после юнкерского училища в один из пехотных полков.

Повесть «Поединок» послужила темой для сценария, недавно написанного сценаристами Б. Папаригопуло и В. Голичниковым. Постановка кинофильма «Поединок» будет начата в декабре текущего года в орденоносной студии Ленфильма.

В процессе работы над сценарием авторы его не ограничились только текстом повести «Поединок». Для того чтобы более выпукло и ярко показать быт и традиции царской армии, они использовали также новеллы А. И. Куприна — «Дознание» и «Ночная смена».

Литературный сценарий фильма «Поединок» уже рассмотрен и принят Главным управлением кинопромышленности. Режиссерский сценарий утверждается на этих днях.

Фильм «Поединок» ставят режиссеры студии Ленфильма Э. Гарин и Х. Локшина. Оператор — Погорелый, художник — Зальцман, композитор — Паппо.

ЮР.

Новые книги по искусству

В издательстве «Искусство» вышли новые книги по изобразительному искусству.

Первый том избранных сочинений В. В. Стасова содержит обзоры, статьи о выставках, полемику. Книге Стасова предпослана статья о нем М. Горького.

«Его стихией, религией и богом было искусство»,—писал Алексей Максимович, отзываясь о знаменитом искусствоведе, как о Плутархе или Гомере русской музыкальной и художественной критики.

Мемуары И. Е. Репина, озаглавленные «Далекое—близкое», содержат на 600 страницах интересные высказывания автора об Академии художеств, о таких мастерах, как Н. Н. Ге, В. А. Серов, И. Н. Крамской, о многих композиторах и о писателях—Л. Толстом, В. М. Гаршине и др. Книга вышла под редакцией и с предисловием К. Чуковского.

Рукописные дневники и рисунки художника-графика Н. Купреянова изданы факсимильно. Это первый опыт у нас подобного издания. Материал для книги в 400 страниц дали художнику его творческие командировки на рыбные и нефтяные промысла Каспия. Зарисовки природы и людей этого края, тексты, сопровождающие рисунки, свидетельствуют об участии советского художника в строительстве социализма.

Читатели обсуждают план издательства

Издательство **«Советский писатель»** свой предварительный тематический план на 1938 г. вынесло на обсуждение читательских масс.

Сегодня, 20 ноября, тематический план издательства обсуждают рабочие завода им. Сталина, ЦИАМ и члены рецензентских кружков.

22 ноября издательство созывает по этому же вопросу совещание актива писателей и критиков.

«Украинская писательница Леся Украинка»—работа украинского скульптора **Г. Петрашевича** (Выставка «Цветущая Украина». Киев).

Книжная хроника

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ» ВЫПУСКАЕТ:

★ **Сборник избранных стихов** Сулеймана Стальского. Из крупных произведений в книгу включены: «Поэма о Серго Орджоникидзе» и «Думы о родине». В книге помещен очерк П. Павленко, рисующий портрет народного певца.

★ **«Мои воспоминания»** — К. Злинченко-Работникова. Записки о тридцатилетней подпольной и революционной работе автора.

★ **«Золотой теленок» и «12 стульев»** — Ильфа и Петрова.

★ **«Сквозь броню** — повесть В. Рязанцева.

★ **«Голубой цветок»** — Л. Пасынкова. В книгу включены рассказы о старом и новом Дагестане.

★ **«Старые знакомые»** сборник фельетонов Г. Рыклина.

Книга рабочих-пекарей

Авторский коллектив рабочих московских хлебопекарен написал книгу «Горький хлеб». В разделах книги — «В темницах» и «Хлебные пауки» — рабочие-авторы рисуют беспросветную жизнь и непосильную работу пекарей и мальчиков-учеников при царизме, жестокую эксплоатацию рабочих-пекарей хозяевами. Третий раздел книги посвящен революционному движению пекарей.

В создании книги принимали участие 46 рабочих-авторов. Наиболее активно проявили себя тт. Колесников, Затков, Синюков, Пасадский, Тармосин и Солдатов. Иллюстрировали книгу рабочие-художники, члены авторского коллектива тт. Киркоров и Иванов.

Руководит авторским коллективом представитель ССП т. Н. Толпегин.

Вечер памяти Шота Руставели

В связи с приближающимся юбилеем великого грузинского поэта Шота Руставели Союз советских писателей организует 21 ноября в ДСП вечер его памяти. С докладом о Руставели и его творчестве выступит тов. В. Гольцев.

После доклада будет дан концерт с участием мастера художественного чтения Вс. Аксенова, солиста Государственного ордена Ленина Академического Большого театра СССР Д. Г. Бадридзе и лауреата 2-го конкурса музыкантов-исполнителей Георгия Эдельмана (рояль).

Начало вечера в 20 ч. 30 м.

Что пишут композиторы

★ Композитор **Б. Шехтер** пишет симфонию для хора на текст поэмы Заболоцкого «Горийская симфония», в которой воспевается город Гори, где родился величайший вождь трудящихся товарищ Сталин.

★ Композитор **Е. Голубев**, автор оратории «Возвращение солнца», работает над кантатой для хора, посвященной двадцатилетию Красной Армии. Текст кантаты — А. Адалис.

В ближайшее время выходит из печати крупнейшее произведение **Е. Голубева** «Кузнец» — на текст Э. Верхарна.

К слету сказителей и народных певцов

К всесоюзному слету в Москве народных певцов и сказителей, посвященному вопросам их участия в избирательной кампании, издательство «Советский писатель» решило в виде книги-молнии, в течение 8—10 дней, издать сборник новых песен и сказаний, которые будут зачитаны авторами на слете.

Кроме того, к выборам в Верховный Совет Союза издательство выпускает сборник стихов «Наша родина».

В него включены лучшие стихи и песни поэтов Союза о нашей родине.

ИЗВЕЩЕНИЯ

25 ноября, в 12 часов дня, в помещении Союза писателей (ул. Воровского, 52), в кинозале состоится очередное заседание президиума Союза советских писателей.

Повестка дня:

1. О приеме и переводе из кандидатов в члены союза советских писателей: а) по Ленинграду докладчики тт. Тихонов и Шабанов, б) по Белоруссии тт. Лыньков, Купала, Колас.
2. Избирательная кампания в Верховный Совет и участие писателей. Докладчик тов. Вишневский, содокладчик т. Аршаруни.
3. О литературной деятельности члена ССП критика Б. Алперса.
4. Текущие дела.

20 ноября в 18 часов в помещении союза советских писателей (ул. Воровского, 52) состоится общемосковское собрание секции критиков.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.
ИЗДАТЕЛЬ:
Журнально-газетное об'единение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61.

Издательство: Москва, Страстной бул., 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

Уполномоч. Главлита В—29[illegible]

Типография газ. «Индустрия». Москва. Цветной бульвар, 30.